КРОКОДИЛ

ISSN 0130-2671

№ 7 МАРТ 1991

— Одну макаронину приготовишь к 8 Марта, вторую — к 1 Мая!

В. ЛУГОВКИН.

Мужчины!

Этот номер — лучший подарок любимым к 8 Марта!

КРОКОДИЛ

№ 7 (2701)
март 1991

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА

Учредители:
трудовой коллектив редакции журнала «Крокодил» и издательство ЦК КПСС «Правда».

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ТРИ РАЗА В МЕСЯЦ.

Редакция не рецензирует присланные литературные и изобразительные материалы. Рукописи объемом меньше 2 печатных листов не возвращаются.

НАШ АДРЕС: 101455, ГСП-4, Москва, Бумажный проезд, д. 14.

ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛОВ:
экономики — 250-46-68,
морали и права — 250-16-63,
литературы — 250-09-70,
писем — 212-15-47,
международного — 250-45-78,
художественного — 212-30-00.
Приемная — 250-10-86.

Сдано в набор 19.02.91.
Подписано к печати 26.02.91.
Формат бумаги 70×108⅛.
Бумага офсетная.
Офсетная печать.
Усл. кр.-отт. 11,20.
Уч.-изд. л. 4,54.
Тираж 2 574 000 экз.
(1-й завод: 1 — 2 373 990).
Зак. № 218. Цена 75 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

Андрей ВНУКОВ

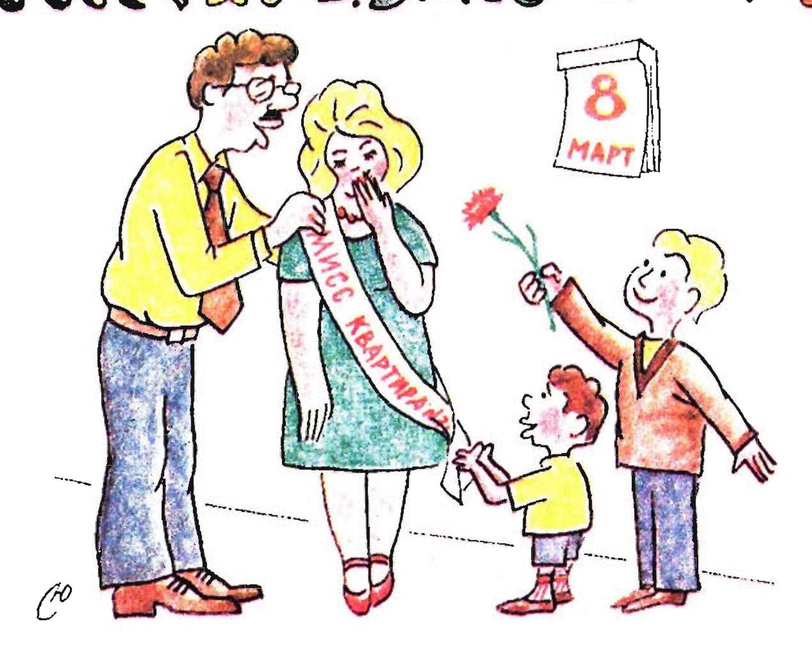
ТЕБЕ ОДНОЙ...

Рожденный Женщиной,
любимый и влюбленный,—
Мужчина, сын и муж в одном лице —
Я чту Тебя прекрасной Лизой Моной
И Саскией, воссевшей на творце.
Я славлю всех соратниц по творенью
Любви и обустройству бытия,
Я помню это чудное мгновенье,
Когда перед Тобой явился я —
Мужчина, повелитель и добытчик,—
В любой момент пойдущий за Луной,—
Не зря себя ты чувствовала лично
За мною, как за каменной стеной...

Но годы шли... и бурь порыв мятежный
Настолько сгладил мужества черты,
Что я, приобретая облик нежный,
Дошел до нежелательной черты.
Изнеженный от полного безделья,
В любви и на работе не горел
И только, рефлексируя от зелья,
Изверился, извелся, озверел...
Все мышцы атрофировав от лени,
Лишь рухнуть на колени я бы смог,
Но Саскию, как Рембрандт, на колени
Не взял бы, отведя любой предлог...

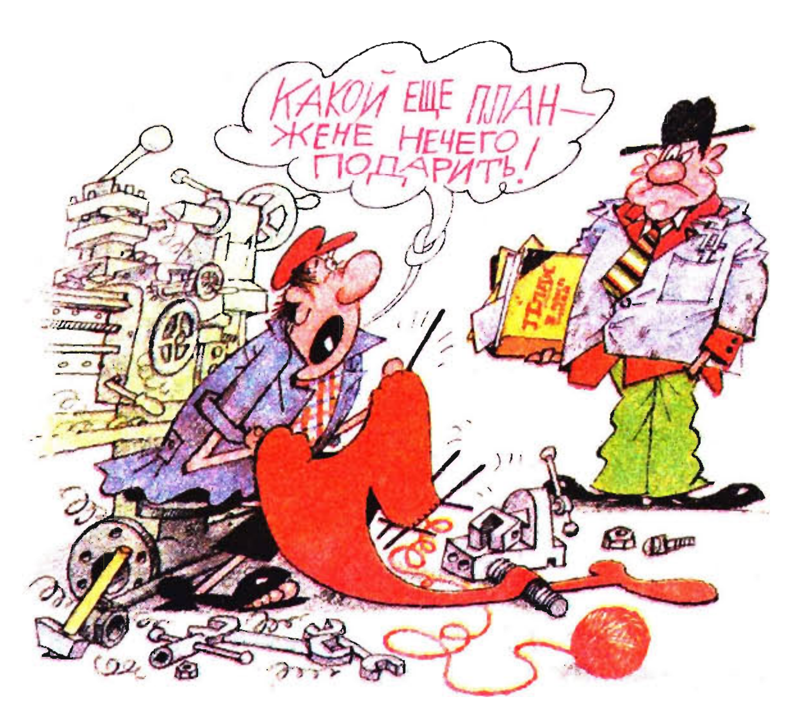
И в том не виноваты демократы,
И соцдиктатор в том не виноват,
Виной всему режим патриархата,
Сменивший невпопад матриархат.
Теперь народ обязан убедиться,
Что он опять когда-то поспешил,—
Да, сколько бы веревочке ни виться,
В мешке не утаишь правдивых шил...
Сегодня ясно: при матриархате
Вся жизнь пошла иначе бы совсем —
К двухтысячному году бы по хате,
А то и по пещере дали всем!

Пришла пора крутого отрезвленья,
К Тебе взывают хилые отцы:
О Женщина, прими бразды правленья,
Пока мы все не отдали концы...
О Женщина, взойди на трон законный,
Тебя я вижу в царственном венце!
Рожденный Женщиной,
любимый и влюбленный,—
Мужчина, сын и муж в одном лице —
Матриархата жду, желаю, жажду —
Он снова человечеству к лицу,—
А если я не прав, то волен каждый
Послать меня к такому-то отцу!

— Это все, что мы можем тебе подарить!

Ю. СТЕПАНОВ.

Г. ОГОРОДНИКОВ, В. ЛУГОВКИН (тема).

Александр СИВИЦКИЙ,
Юрий ТИМЯНСКИЙ

ПРИЗНАНИЕ

Хочу тебе, любимая, признаться:
Ты мне милей Венер и Афродит.
Любовь моя не знает девальваций,
Неистощим доверия кредит.

С тобой одной могу я быть счастливым,
Я знаю, ты мне послана судьбой.
Не буду я искать альтернативы,
Хочу достичь консенсуса с тобой.

Твой образ мне ночами часто снится,
Тебя дороже и желанней нет.
Возьми, что хочешь, вплоть до инвестиций,
Нарушь мой личный суверенитет.

Твои глаза, как небо голубое,
Прекрасней в целом мире не найти.
В совместном предприятии с тобою
Не страшно и на рынок перейти.

Нет никого на свете совершенней,
Я плачу и смеюсь, тебя любя.
Не надо нам арендных отношений,
Хочу приватизировать тебя.

Пусть у тебя другие есть кумиры,
Пойми: лишь я тебе необходим.
Ты станешь мисс двухкомнатной квартиры,
Я буду вечным спонсором твоим.

В. ПОЛУХИН, В. ВИКТОРОВ (тема).

КУЛИНАРИЗМЫ

В наших условиях и яичница — дар божий.

Алексей МЕЛЬНИКОВ, г. Черкесск.

И благодарность бывает черная: например, баночка кофе.

Илья ГЕРЧИКОВ, г. Челябинск.

А что, римляне, буханка хлеба — вам еще не зрелище?

Виктор ШЕНДЕРОВИЧ, г. Москва.

ЧИТАТЕЛЬНИЦЫ ВЗВОЛНОВАНЫ

ПОДАРКИ — ЗА ВЫКУП?

Дорогой Крокодил! Почему с советских граждан берут такую большую таможенную пошлину за подарки? Я отправляю дяде, инвалиду Отечественной войны, один раз в год посылку ко дню его рождения. В последний раз выслала ему кроссовки, телогреечку, пачку лезвий. У себя уплатила за высылку 20 долларов. Дядя при получении подарка заплатил еще 40 рублей. Почему?

Потом выслала девочке, родственнице, ко дню ее рождения сапожки, туфельки, платье. Здесь этот подарок стоил мне 25 долларов. Она же заплатила за него 74 рубля и написала, чтобы я больше ничего не высылала — не на что выкупить.

Моя сестра выслала мне духи, часы-«кукушка». Я при получении подарка не заплатила ни цента. Так в чем же дело? Ведь дорога туда и обратно одна и та же. Брат спросил: почему так дорого берут с советских? Ответ был: такой закон. Кто же такой закон установил — сдирать последнее с бедных людей?

Родственникам хочется сделать что-то приятное ко дню рождения. Это уж так во всем мире. И где бы ни послал подарок в другие страны, я уверена, там не будут отбирать за это с получателей последние гроши. Америка высылает в Польшу, Германию, Грецию поношенные и новые вещи, и все бесплатно. А у вас наоборот! Выходит так, что советские родственники не получают подарки, а покупают их. У меня такое в голове не укладывается.

Я выехала из СССР в 1960 году шестнадцатилетней девочкой. Это моя родина. В телевизоре вижу, как плохо там с промтоварами, хотелось бы както помочь. Если бы не брали большую пошлину, советские люди получали бы больше подарков, меньше было бы спекуляции. Неужели руководителям страны это нельзя понять?

Люси ПИРЛ,
Вашингтон.

Рады приветствовать бывшую соотечественницу, с такой горячностью написавшую Крокодилу, и благодарны, что вы выбрали именно нас для своей исповеди. Письмо ушло из США 26 ноября прошлого года, а почти через неделю, 5 декабря, вступило в силу решение Главного управления таможенного контроля при Совете Министров СССР, способствующее обеспечению беспошлинного пропуска предметов личного потребления, пересылаемых в международных почтовых отправлениях или ввозимых в благотворительных целях. Это пищевкусовые товары, промтовары народного потребления — ткани, пальто, платья, белье, обувь, медикаменты... Так что, уважаемая Люси, вашим родственникам не придется теперь «выкупать» подарки.

ЛЬГОТЫ-ТО ЕСТЬ...

Говорят, что сейчас много льгот предоставляется вдовам, многодетным семьям, малообеспеченным. Говорят...

Мне 24 года. Я вдова, мать троих детей. Получаю пенсию 120 рублей, сейчас не работаю — младшему нет еще трех лет, и средний очень болезненный, трижды побывал в реанимации. Был у меня и четвертый ребенок — умер.

Пишу я о жилье. Очень устала и не могу уже ходить по инстанциям. Дом, где мы жили, шел под снос, но в феврале 1988 года был пожар. Квартиру нам тогда не дали, сказали, что нет благоустроенных. Переселили в жилье неблагоустроенное, заверили, что временно. В марте 1989 года умер муж (он был инвалид II группы). Осталась я с тремя детьми одна. А надо топливо купить, чтобы хоть как-то прогреть сырое, холодное жилье. Мне говорят люди, что не надо было сюда вселяться, тогда бы сразу дали подходящую квартиру. Но нас же тогда убеждали, что «временно». Поверили, а теперь что делать? На панель идти, чтобы заработать деньги на квартиру и спасти своих детей?

Татьяна МАЧКАЛЯН,
г. Бобруйск.

Беда одной семьи? Нет. Бобруйск — это Могилевская область, по которой тоже прошла тень Чернобыля. Только в прошлом году, по информации, полученной в исполкоме горсовета, город из своего фонда отдал 200 квартир под переселение из зон поражения. Благоустроенное жилье предоставлялось очередникам... 1965 года(!).

Частный дом, где у родственников проживала молодая многодетная семья Мачкалян, еще в 1985 году был определен под снос — на этом месте Бобруйский завод тракторных деталей и агрегатов (филиал Минского тракторного) должен был начать строительство жилого дома. Здесь бы и получила эта семья, и не одна она, квартиру со всеми удобствами. Строительство дома не начато по сей день. После пожара исполком не оставил семью Мачкалян на улице, ей дали квартиру из трех комнат в старом доме — «так живет половина Бобруйска». Прописанной осталась в том же частном доме родственников, подремонтированном после пожара. И она получит квартиру, если филиал Минского тракторного начнет и завершит строительство своего дома в Бобруйске.

Да, совсем не праздничным вышел комментарий к этому письму. Но... такова жизнь.

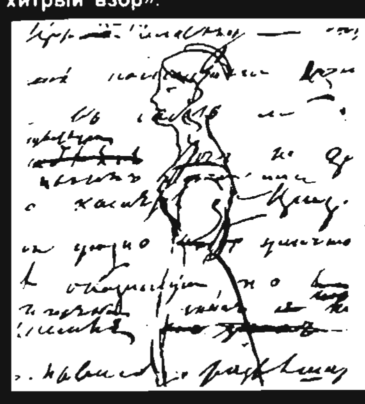
КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

ПЕРЕД СВЯТЫНЕЙ КРАСОТЫ

Отчаявшись найти праздничный повод для этих заметок в нашей такой непраздничной жизни, перелистав кипы газет и журналов, до головной боли насмотревшись телепередач, открыл наугад томик Пушкина. И словно по заказу:

Подъезжая под Ижоры,
Я взглянул на небеса
И воспомнил ваши взоры,
Ваши синие глаза.

Нет, это не о столичной красавице, сводившей с ума бравых кавалергардов. Это о скромной провинциалке, дочери старицкого исправника Катеньке Вельяшевой. А вот и она сама, запечатленная волшебным пушкинским пером. Здесь все, как в знаменитых стихах: «легкий стан, движений стройность», «хитрый смех и хитрый взор».

И написано это не к случаю. Поэт остановил еще одно «чудное мгновенье», осененное молодостью и красотой.

Листаю дальше... Бог мой! Да тут что ни стихотворение, то как будто специально к Женскому дню! «Играй, Адель, не знай печали...», «Прощай, любезная калмычка!», «Как дева русская свежа в пыли снегов!», «Мой голос для тебя и ласковый и томный...», «Подруга дней моих суровых, голубка дряхлая моя!», «Ты рождена воспламенять воображение поэтов...», «Все в ней гармония, все диво, все выше мира и страстей...»

Сил нет остановиться, так прекрасны и чисты эти строки, обращенные к Женщине! А ведь нам доподлинно известно, что во времена Пушкина день 8 марта хотя уже и был в календаре, но среди праздничных не значился. Стало быть, приведенные выше строки сочинены не по случаю, не к дате, а исключительно из любви к прекрасной половине человечества. Из той любви, благодаря которой родилось на земле все возвышенное и благородное. Из той любви и восхищения, которых так не хватает нам сегодня, когда женщина превратилась в труженицу, стала товарищем, коллегой, соратницей, сотрудницей. Когда, не сгорая от стыда и не проваливаясь в преисподнюю, наряжаем мы своих «гениев чистой красоты» в оранжевые жилеты дорожных рабочих, вкладывая в их нежные руки ломы и совковые лопаты, отправляем в бесконечные очереди за куском колбасы, заставляем штопать эти проклятые колготки...

Нет, что-то не хочется шутить и смеяться. Плакать хочется. Но это занятие не для мужчины. Тем более сатирика. Еще тем более в канун праздника. Одного из самых светлых. И вовсе не потому, что он международный, символизирующий солидарность. А потому что — весна! Значит, перезимовали! Такие вот у нас теперь радости: прожили день — и слава Богу. Достали пару носков и кусок мыла — крупно повезло. Не приведи Господь привыкнуть к этим нищенским меркам. Коли привыкнем, смиримся — тогда уж не до любви, не до красоты, не до Пушкина. Тогда для полного счастья хватит миски баланды...

Иные читатели упрекают меня в чрезмерном оптимизме, когда, рассуждая о наших сегодняшних делах, о проблемах и болях, я позволяю себе утверждать: еще не вечер! Мы еще увидим небо в алмазах! Что ж, не стану спорить. Скажу только, что оптимизм мой вовсе не от казенных «установок» на таковой, на наше традиционное советское бодрячество. Он — от характера, от твердой веры в человека, его возможности, его бессмертную душу и извечное стремление к добру и счастью. Ради этого живем и работаем. Я и мои товарищи по журналу, среди которых большую и лучшую половину составляют женщины. И это именно они не дают нам одичать, каждодневно занимаясь «мерзостями жизни», о коих пишут и пишут нам читатели.

И все-таки мы перезимовали! Вытерпели. Одолели. И это во многом благодаря вам — милые, славные, самоотверженные наши женщины! Сколько раз помогали вы остановиться нам на самом краю бездны. Сколько душевных сил отдали, чтобы злые пожары, вспыхивающие тут и там, не пожрали своим пламенем всю страну. В ней сейчас тревожно, голодно и неуютно. Но другой у нас нет, ибо это наша Родина, наш дом. А кому, как не хозяйкам, в первую голову заботиться о нем. И ваши сегодняшние заботы, невзгоды, отчаяние и надежды зачтутся вам. Дай Бог, чтобы в этой жизни.

По традиции в день праздника мы принесем вам цветы. Но что принесем мы вам завтра, в будни? Синюю полуощипанную курицу и пакет свинцово-тяжелой от грязи государственной картошки? Конечно, вы и этому будете рады. Но такая радость не достойна вас. Вы заслужили право на настоящую, высокую человеческую радость, любовь, красоту. Увы, мы уже давно убедились, что сама по себе красота мир не спасет. Спасать его надо нам всем вместе, отрешившись от амбиций, злобы, мстительности, честолюбия и злой корысти.

Скажете: ну вот он опять читает нам проповедь. А хоть бы и так! Не дурно бы всем нам стать проповедниками добрых дел. Не дурно бы вернуться к тому, от чего нас отлучали долгие десятилетия, убивая в наших душах доброту и сострадание к ближнему, милосердие и красоту, которую лучше всего и выше всего олицетворяет женщина.

Увы, мы забываем об этом в будни,

Но, встретясь с ней,
смущенный ты
Вдруг остановишься невольно,
Благоговея богомольно
Перед святыней красоты.

С праздником, дорогие наши женщины. С весной!

АХ, МОДА!.. МОДА?.. МОДА...

ПАРЛАМЕНТСКИЙ ФЕЛЬЕТОН

Ирина АНДРЕЕВА,
народный депутат СССР,
главный искусствовед
Общесоюзного Дома
моделей одежды,
зам. председателя
Комиссии ВС СССР
по вопросам
депутатской этики

Фото Б. КРЕМЕРА.

Все с таким азартом занялись политикой, что кажется, будто о моде вовсе позабыли. Бывало, как к субботе время приближается, отбоя нет от газетчиков-журналистов: дайте что-нибудь новенькое о моде в субботний номер. Какие там мини-макси появились, а может быть, что-то для женщин мужское или для мужчин женское?..

Не то теперь. Только и слышишь: дайте оценку закону, ваше мнение о дебатах, что вы думаете о первой (второй) половине заседания, о выступлении Г., Р., Е., Л., С., И. и на иные буквы. Вроде ни суббот, ни воскресений, ни зимы, ни лета. Один-единственный сезон — перестрой-ка!..

А ведь дело-то совсем простое. Не может человек без моды, она его неотделимая, неотторжимая часть, и она во всем, всегда и, главное, для всех.

Не стало одежды — взялись за политику. Не стало ингредиентов модных диет — за создание партий! Мода-то ведь во всем. Много разных модных поветрий качало нас из стороны в сторону. И зря говорят, что законодатели мод — французы. Мы тоже кое-что время от времени **подбрасываем...** Ззять хотя бы разоружение. Сначала «мирное сосуществование». Кажется, ведь подхватили за рубежами. Потом новая мода — вмешательство на фоне невмешательства... Тоже неплохо пошло. Теперь вот новая постройка в последнем вкусе — общеевропейский дом. Еще как подхватили! Уже и фундамент готов! А кто, как говорят в модных журналах, инспирировал? Мы. Для всех. И все носят(ся). И всем к лицу. А ведь какие все разные, но даже и оба пола пользуются: Буш, и Тэтчер, и Коль, и даже сами французы...

Но, правда, не все и не всегда нашу моду подхватывают. Вот ушанки пошли, телогрейки зековские идут вовсю, на лужах от оттаивающей холодной войны всплыли наши военные символы, разные там кокарды, пряжки-фуражки, а также полные комплекты амуниции. С натяжкой можно и дубленки считать нашей идеей, только тут небольшая закавыка вышла. У нас эта мода какой-то локальный характер получила. В армии полушубки носят, они в моде, а гражданскому населению... как бы... не нравится. Точнее, не всем нравится, работникам торговли и автотехобслуживания как раз поголовно нравится, а среди начальников — только через одного: тем, кто ближе к системе распределения... Но это объяснимо.

Ведь мода при всей ее универсальности все-таки имеет и национальную особинку. Вот мы, например, создали и удерживаем первенство по моде на... очереди. Каких только нет — и живые, и льготные, и по месту работы, и по месту жительства, и исполкомовские, и мертвые (бесконечные), и так далее. Эта мода, созданная нами более 70 лет назад, только теперь перешла за нашу границу, но лишь в соседние страны. Видимо, потому, что у нас с ними больше общего, чем с другими народами...

Вообще мы по части моды не только не отстаем, но, смею утверждать, мы в полном порядке! У нас, как и у всех цивилизованных людей, мода подчиняет своей капризной страсти все сферы, все предметы. Она набрасывается даже на отдельных людей. Ну вот, например, известный телекомментатор Владимир Молчанов — в моде, а не менее известный Валентин Зорин — нет... Мода охватила митинги, лозунги. Отбросив диеты, успешно заменила их бездиетными голодовками. Или вот в моде А. Собчак, С. Станкевич (своими ушами слышала — «душечка Станкевич»). А назло им у тех, кому такая мода не по размеру, к фигуре и выражению лица не подходит, в контрмоду вошли Иван Полозков и моя знаменитая однофамилица Нина Андреева. И вот вам, пожалуйста, Алая и Белая роза или, если хотите, «кюлоты» и «санкюлоты». И враждуют, как и положено старой и новой моде.

А побеждает всегда та мода (так уж закон свыше данный велит), по которой больше товару в магазины поднавезут. Ведь не дикари же мы какие-нибудь, как американцы в 20-х годах, которые мальчишек с крючьями нанимали, чтоб у упрямцев старомодные котелки с головы (а то, не дай Бог, и вместе с головой!) срывали. Но производство-то, хоть и новых шляп, все равно в призме 30-х мчалось неостановимо. А мальчишкам-то деньги платили, доллары. У нас, правда, их нет, хотя, может быть, как раз у кого-то из враждующих... Из-за моды и родилась поговорка: дескать, за красоту надо платить.

Ну а что с Горбачевым? Знатоки моды уже иного хотят: видите ли, пять лет для моды предел. Вот у американцев только по 4 года президентов «носят». Да помилуйте! Ведь мы-то только год назад первый раз президентство на себя примерили, дайте привыкнуть, приспособиться, промышленникам-торговцам развернуться. Ведь без них мы так и не сменим наши, вот уж действительно приевшиеся, очереди на предложение, опережающее спрос. Ведь у нас такой моды 73 года не было!

Конечно, мода — как эпидемия, как любовь. Сначала влипаешь, потом ищешь избавления. Но, во-первых, она временная, а во-вторых, массовая. И возможна только при одном условии — **доступности**. Иначе это уж никакая не мода.

В одежде моду обеспечивают массовое производство (определенным упрощением идеи дизайнера-модельера) и массовая продажа (в своем роде штурм-десант, интервенция). В политике — средства массовой информации (вот для чего, оказывается, нужно было начинать с гласности!), массовые манифестации, митинги и, конечно, адаптированные к массовому сознанию лозунги. Для выборов — «Вся власть Советам!». Для новых форм хозяйствования — «Земля — крестьянам, заводы — рабочим!». Для перехода к рынку — «Правительство — в отставку!»...

Все это можно было бы поддержать прямой, то есть привычной, модой, рекламой в одежде, в надписях на автотранспорте, да проклятый дефицит и маек, и красок не позволил этого. Только «гласность» и «перестройка» покрасовались на продукции кооперативов. Но значительно шире в 88-м и 89-м годах — за рубежом: опять мы им наше **подбросили**!..

Как у всяких слишком рьяных модников, у некоторых кипучих деятелей Моссовета вкус отступил перед эпидемией, и именно к 7 ноября было принято решение о переименовании многих улиц и площадей Москвы: новое (хотя на самом деле уже довольно старое для моды) поменялось на некое разновременно старое. Типичный случай ретро-моды, более двадцати лет царящей в нашей одежде, мебели и других предметах быта.

Или вот популизм. В одежде он был осознан как метод гарантированного получения прибыли, в общем, не так давно — в 50-х годах нынешнего века. Сформулировал этот политический принцип в моде знаменитый Пьер Карден: «Мы берем моду улицы и, облагородив, отдаем ее обратно!» Этот прием с конца 60-х годов (помните молодежные революции на Западе?) царит в современном моделировании. Штучные, индивидуальные вещи остались принадлежностью знатоков, предметом роскоши. Они продуманны, отточенны, изысканно-оригинальны, они абсолютно соответствуют вкусу самых талантливых своих творцов, и их сполна оплачивает общество восторгом и единодушным одобрением. Но позже Они полны подлинной художественности, тонкой философии, выраженной эстетически, на них с восхищенной завистью оглядываются менее талантливые коллеги — модельеры, но... Неостановимый, ненасытный бег массовой моды, сыплющиеся сплошным потоком гривенники не дают передышки. Нет паузы для раздумий, для вынашивания в тишине идеи золотого яичка, из которого может появиться Жар-птица вечной для всех и навсегда красоты.

Признаком моды или модности в одежде, в быту служит использование одинаковых вещей вне зависимости, вне связи с индивидуальностью, с собственным удобством. Маленькие и толстые надевают большие шляпы, узкие короткие юбки, длинные, до паха сапоги. В крохотную квартирку втискивают роскошную спальню в арабском стиле, к низким потолкам подвешивают дворцового размера хрустальную люстру и ходят по комнате, минуя центр, как будто на полу очерчен заколдованный круг.

В политике — то же стремление к новому, вчера еще запретному, сегодня еще полуопасному. Но в толпе, в слитности лиц и голосов черпается кураж, та минутная смелость, которая подталкивается ознобным, холодящим живот страхом. Собственно, такое же чувство вскидывает митингового оратора. Это совершенно так же, как надеть красный пиджак среди серых костюмов работников «органов» или райкомов-обкомов...

Это чувство так же опасно, как первая затяжка сигаретой с «травкой». Желание снова повторить ощущение запретного блаженства становится потребностью непреодолимой. Тут уж и все средства хороши, и любая компания сгодится. Генерал КГБ — со знатоком организованной преступности; борцы «за нашу и вашу свободу» вводят смертную казнь; депутаты, голосуя по рынку, быстренько нажав на кнопку «за», бегут к трибуне с проектом репрессий против «перекупщиков» и т. д. и т. п. Все, как и положено в моде: не успел справить узкое — торопись опередить всех в широком...

Хроникеры разочарованы вялостью светских оракулов: «А у вас нет ли чего-нибудь «против» или «долой»! Это то же, что отсутствие на «ихнем» светском приеме какой-нибудь экстравагантной знаменитости без юбки или босиком. Аскеты-партийцы, государственные казначеи подкладывают под нежные зады пуховые подушечки СП и разнообразных ассоциаций для плавности перехода из одного приятного состояния в другое, еще более...

Но всегда есть «де-моде» (вне моды, запаздывающие). Эти все приберегают и ничего не упускают. Не важно, что немодно, зато либо много, либо дорого. Берут тихо, по традиции, квартиры, машины, дачи, смирно ведут себя в высочайших свитах на международных встречах, мягки, приветливы (тоже капитал!), ни в авангарде, ни справа, ни слева, но не отступают в своем интересе — твердо держат шаг. Точь-в-точь как пенсионерки в кримпленовых пальто или провинциалки с платиновыми «халами» из налаченных волос.

Художники знают, как важен фон. И модница главный вкус чувствует на фоне бедной «дурнушки». Но известно, как дурнушки самых лучших модницыных женихов на скромности и застенчивости своей выигрывают. Те помучаются, помучаются, любуясь клипсами да мини-юбками, а потом и рассудят враз: здесь, пожалуй, надежнее, сам буду в центре обожания, не я ею, а она мною гордиться будет!

Так и толпа с кумирами, которым рукоплещет, друг друга отталкивая. Да вот устать может, покоя захочет. Из нее (этой толпы) опять кумира сделают тихо переждавшие, интереса не упустившие. И дальше известно, что самым послушным мужем становится франт, окрученный злобной уродиной. А как же иначе? Ей же есть за что бороться — за собственное-то счастье! А ему? Ему тут лишь бы выжить, все стерпит. А симптом есть. Все длиннее становятся очереди в магазинах, подписка резкий крен книзу дала...

Мода — она и есть мода, всегда торопится к концу и жаждет смены. Вот только как быть с очередью? Это ведь не ретро-мода, у нее перерыва даже на год не было. Ее попробуй перестрой-ка!

В. МОЧАЛОВ, В. ТИЛЬМАН (тема).

В. ВЛАДОВ.

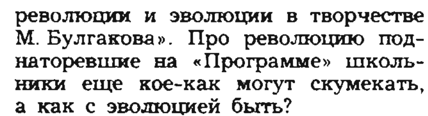
В. ДУБОВ.

В. ВЛАДОВ.

Ирина СКОРОБОГАТОВА,
специальный корреспондент Крокодила

ПЯТЫЙ СОН ВЕРЫ ПАВЛОВОЙ

Из школьных лет вспомнился такой эпизод. В седьмом классе, согласно школьной программе, мы пошли на штурм романа в стихах «Евгений Онегин». И далее на уроках разбирали бедного Евгения по косточкам.

О! Каждый шаг несчастного Онегина мы прослеживали и истолковывали: «Здесь автор хотел сказать...» — так начинался каждый наш ответ. Пушкин, получалось, хотел сказать, но не сумел. А мы, на пару с учебником, могли растолковать все.

— Почему Онегин не заинтересовался Татьяной-девушкой, но стал ухаживать за ней, замужней женщиной?

Этот вопрос учительницы, помню, поверг класс в гробовое молчание. Учебник истолковывал это желание героя почему-то социальной испорченностью Евгения. Я поделилась смешным воспоминанием с сыном. Но он отнесся к моим словам серьезно.

— И сейчас ничего не изменилось. Да ладно Пушкин! Ты посмотри, как мы учим советскую литературу, и тебе вовсе поплохеет.

Я послушно перелистала «Программу для средних учебных заведений», рекомендованную Главным учебно-методическим управлением общего среднего образования Госкомитета СССР по народному образованию (1988 г.). Удивительным пособием до сих пор пользуются в школе! Раскрыв его, я как бы вновь провалилась в школьное отрочество, проведенное во времена застоя. Впрочем, пособие будет подревнее. Кто бы вы думали по «Программе» В. Маяковский? «Обличитель мещанской поэзии и «чистого искусства»! И еще — создатель образа «поэта — труженика, бойца и коммуниста». Бросьте, Владимир Владимирович, всяческие творческие искания и трагедии, оставьте их при себе в вашем сложном времени. Для нас вы навсегда останетесь «поэтом в рабочем строю».

«Преданность Давыдова, Нагульнова и Разметнова делу коммунизма»...— «нравственная основа их характеров». Надо ли говорить, что до «дела коммунизма» нынешним школьникам нет дела? И сегодня черным по белому здесь написана хвала «направляющей роли партии в развитии советской литературы».

Боже мой! Что будет делать послушная программа, если к власти придут, допустим, анархически настроенные элементы! «Образ батьки Ангела как основополагающий в советской литературе», «Махновцы — движущая сила прогресса».— видимо, новые установки будут звучать так. А если победит Общество защиты животных, все дружно сосредоточатся на «Муму»?

А пока бедные дети конспектируют и зубрят работу В. И. Ленина «Партийная организация и партийная литература». Но при чем же здесь средняя школа? Или ее уже «окончательно и бесповоротно» перепрофилировали в партшколу? Боюсь, что так. И сделано это было довольно давно. В 30-е годы. Но сегодня-то отчего на уроках литературы в школе ежедневно прославляют принцип «социалистического реализма», уразуметь который толком не может ни один здравомыслящий человек?

«Принцип» весьма неохотно допускает в компанию «соцреалистов» непартийных поэтов и писателей. Развернем «Билеты по литературе для выпускных экзаменов за курс средней школы на 1989/90 учебный год». Читаем: «Серебряный век русской поэзии. Избранные страницы». Догадались, о чем идет речь? Или о ком? Правильно. Это про Ахматову, Цветаеву, Пастернака, Гумилева. Про всех — через запятую. Только и всего-то про таких замечательных поэтов. Одним вопросом!

Но зато у учащегося от зубов должны отскакивать следующие эпохальные познания: «Политика КПСС в области литературы на современном этапе», упомянутая мною уже статья Ленина «Партийная организация и партийная литература», «Образ человека и вождя в очерке М. Горького «В. И. Ленин», «В. В. Маяковский о месте поэта в рабочем строю», «Ленин, партия, народ в поэме В. Маяковского «Владимир Ильич Ленин», «Художественная Лениниана в советской литературе» и т. д., и т. п.

К горним вершинам допустили, пожалуй, только Булгакова: «Проблемы революции и эволюции в творчестве М. Булгакова». Про революцию поднаторевшие на «Программе» школьники еще кое-как могут скумекать, а как с эволюцией быть?

— Это про Шарикова! Сначала он был собакой, а потом стал человеком! Произошла эволюция: от собаки — к человеку. Почти как по Дарвину. Только у него от обезьяны! — вот один из вариантов ответа, придуманный сообразительным школьником.

Как же выкручиваются из цепких лап «Программы» прогрессивные учителя?

— Стараемся прочитать с ребятами то, что их интересует. Но где взять время? — говорили мне преподаватели литературы Балашихинской школы № 7 (Московская область).— На Горького отводится десять часов, на нынешних писателей — два. Стараемся урвать у Горького, но все равно не укладываемся. Слишком много устаревшего в программе.

Светлана Александровна Потапова, директор школы и одновременно преподаватель литературы, изучает с ребятами статью В. Брюсова «Свобода слова», в которой автор отчаянно спорил с Лениным. Так ребята познают истинное положение дел того времени.

— Заполитизированность преподавания литературы вызывает у ребят насмешку — они-то видят, что происходит вокруг,— говорит Светлана Александровна.— Учитель в глупом положении. Должны быть просто беседы по изящной словесности.

— Это как сон,— воскликнула ученица Вера Павлова, мнением которой я поинтересовалась.— Выбросить учебник — вот это была бы революция!

А где достать Платонова, Набокова, Бердяева? Книг нет или они продаются по коммерческим ценам. И тем не менее их читают! О них хотят говорить и спорить! Увлекаются импортными детективами — а почему бы не обсудить детектив? Кстати, зарубежная литература представлена в программе как бы между прочим. Вроде бы вспомнили ненароком о Э. Хемингуэе, П. Неруде, Ю. Фучике, А. Зегерс. Я спросила, есть ли очередь в школьной библиотеке на Анну Зегерс. Сказали — нет. Оказывается, читают «Интердевочку». Выражаясь языком «Программы», образ советской проститутки не оставил учащихся равнодушными.

Хорошо бы прочесть все, что интересно. Солженицына, например, и обсудить прочитанное с умным учителем, который не станет навязывать вам подернутых мхом мнений. «Вы учились не по учебнику, а по журналу «Огонек»,— заявили одному из выпускников школы в вузе, поставив за нестандартный ответ двойку.

Учебник диктует. И не только как учить литературу, но и историю, с которой дела обстоят еще хуже. Тут вы просто начнете метаться в догадках: какой век на дворе? «Когда собственность на средства производства принадлежит эксплуататорам, они заставляют работать на себя трудящихся. А если собственность принадлежит трудящимся, является общенародной, трудящиеся сами решают вопросы производства и распределения продукции» (А. Нарочницкий, «Новая история», 1983 г.). Да-да! По сей день ребята пользуются этой «свеженькой» книженцией. Особенно вдохновляет фраза про самостоятельное распределение продукции трудящимися, не так ли?

Книжечка «Введение в марксистское обществознание», Москва, 1989 год... Один из разделов озаглавлен скромно, но со вкусом: «Куда движется человечество?» Будьте уверены, авторы знают: к коммунистической цивилизации. А куда же еще?

А куда движется школа? Этого, видимо, не знает никто. Ау!

ОТ ВЕЛИКОГО ДО СМЕШНОГО...

(выпуск шестнадцатый, женский)

Да, женский вопрос в парламенте время от времени дает о себе знать. Слабая, но тем еще более прекрасная половина нашего депутатского корпуса (хотя... какая уж там половина? Точнее сказать — меньшая половина...) подчас заявляет о себе довольно громко и весомо. Хотя, казалось бы, и неожиданно для такого сугубо делового места, как высший орган народовластия. Но орган органом, а страсти иногда так накаляются, что... Вспоминается в этой связи, как еще на самом первом Съезде народных депутатов СССР, «средь шумного бала», буквально вспорхнула на высокую трибуну хрупкая такая на вид учительница из Казахстана и чуть ли не в слезах прокричала о своем наболевшем на весь мир:

— Я как женщина даже боюсь садиться среди тех московских делегатов, которые выступали в первые три дня!..

Представляете, что у них там в зале, оказывается, творится, куда нас, простых смертных журналистов, не допускают?!. А не правда ли, все-таки жутко любопытно: чего же она тогда так сильно испугалась? Да еще как женщина...

Это был первый Съезд. А на последнем, четвертом Съезде присутствовала в качестве гостя Раиса Максимовна Горбачева. В этом качестве, между прочим, выходила погулять в фойе во время перерыва. Где ее, естественно, мгновенно окружала плотная толпа «падких на сенсацию» журналистов. В основном, понятное дело, мужского пола. Пробиться в эпицентр толпы громоздкому Крокодилу, да еще с вилами и диктофоном, оказалось делом безнадежным. Однако издали донеслась все-таки и до него фраза супруги Президента:

— Мужчины! Не мешайте женщинам быть женщинами! И тем самым — будете мужчинами.

В этом специальном номере мы и решили не мешать. Более того — отдать дань Женщине-депутату в виде места в нашей постоянной парламентской рубрике, составив ее из услышанного на 4-м Съезде.

●

Умалатова С. З. Мы живем по принципу: нам бы день простоять да ночь продержаться, а там и наши придут — освободят. Я не знаю, кого мы ждем?..

...Я до недавних времен очень жалела, что не родилась мужчиной. Честно говорю, что очень этого хотела. Но в последнее время благодарю Бога, что не родилась мужчиной, потому что позора этого я, наверное, не пережила бы...

●

Смолина З. П. Хотела бы выразить неудовлетворение в адрес Секретариата тем, что в список для выступающих женщины не попадают. Мы довольствуемся вот уже на протяжении четырех съездов тем, что сдаем тексты своих выступлений в Секретариат, ожидая опубликования в стенографическом отчете...

●

Баранова Г. Т. Мы надеялись на конверсию, но в нашем государстве никто ни за что не отвечает! Почему нас так обманули с конверсией? Мы ждали, что все получим в 1990—1991 годах. Но сейчас все на бумаге, все в диаграммах, и опять нас отсылают куда-то к 1993—1995 годам...

●

Миронова Д. С. Уже неделю бушуют страсти у нас на Съезде. Правда, их скорее можно назвать «мужским бунтом», так как женщину редко пускают к трибуне, да и в Президиум у нас, как на корабль, женщинам вход строго воспрещен... Российский отраслевой профсоюз выдвинул ультиматум российскому и союзному правительствам, но пока дальше постановлений дело не идет, так как мужчины делят власть, партии образуют фракции на Съезде, а нас, женщин, здесь до обидного мало. И наш голос, как писк комара в цехе...

●

Акрамова Т. М. В дальневосточной поэзии есть замечательные строки: живой, не приносящий пользы, подобен мертвецу, как ветка, не приносящая плодов, которая должна быть сожжена. Ветка, не приносящая плодов... А у нас в стране сложилась такая ситуация, когда горьким пламенем пылают сами плоды...

...возможно, есть смысл разрешить службу солдат в своих республиках, как это делается в некоторых странах. Правда, там министром обороны может быть женщина, что не мешает обеспечивать обороноспособность государства...

●

С места. Геннадий Иванович, я надеюсь, что наш Съезд окажет Вам доверие, но очень прошу Вас, «повернитесь лицом» к женским вопросам, к женщинам.

Янаев Г. И. За это предложение я Вам очень признателен, но Ваше право решать. Я обязательно «повернусь лицом» к женским вопросам, если моя жена не будет возражать...

●

Панченко Э. А. Было бы хорошо... чтобы все так же честно относились к своей работе, присутствовали на заседаниях, голосовали и решали многие вопросы по охране материнства и детства... как это делает товарищ Ярин. Поэтому я вас очень прошу (в нашем комитете всего девять мужчин, которые работают очень активно, и мы им благодарны), прошу от всех женщин: давайте все-таки оставим депутата Ярина в составе Верховного Совета...

●

Миронова Д. С. Если депутаты не хотят выражать свое мнение, если они саботируют наше голосование, то, может, их голоса просто оставить без внимания? Иначе мы будем сидеть здесь до 1991 года... Если мы проголосуем против Геннадия Ивановича еще раз, то Вы, Михаил Сергеевич, посмотрите вокруг себя на женщин и возьмите в вице-президенты женщину...

●

Мешалкин Е. Н. Мужчины, которые хотят попасть в Верховный Совет, где же ваше рыцарское поведение по отношению к женщине? Ведь здесь присутствуют 350 женщин. Что же вы за них не заступитесь? А 2000 делегатов-мужчин, из которых по крайней мере 1500 человек присутствуют, вы тоже забыли о том, что такое рыцарство?..

●

**Женский вопрос депутатам помогал поднять спецкор
Григорий КРОШИН.**

ЖЕНЩИНА БЫТОВАЯ

И. НОВИКОВ, Ю. СТЕПАНОВ (тема).

— Сейчас сырокопченая колбаса стала предметом роскоши!

Р. ДРУКМАН.

В. ЛУГОВКИН.

ВОТ ЧТО НАТВОРИЛИ ДАМЫ

Ольга ХОЛОЩЕНКО

«КОТОВАСИЯ»

Отбросив наивную веру
В надежность людской доброты,
В подвальный этаж, как в пещеру,
Нахально вселились коты.
Сосед мой, торговый инспектор,
Советует гнать их взашей
Из центра в окраинный сектор,
Где больше кормов для мышей.
Но как приступить к выселеньям?
Теперешний кот не дурак.
И дом с паровым отопленьем
Не сменит на частный чердак.
Поэт же, очкарик дотошный,
Додумался, выпив вина,
Что есть перед каждою кошкой
У нас вековая вина,
Что все мы в мещанской гордыне
Не можем, рутину поправ,
Кошачеству дать и поныне
С людьми одинаковых прав.
Порой управдом, словно коршун,
Из высших начальственных сфер
Грозит непрописанным кошкам
Всем комплексом экстренных мер.
Но, как в предписаньях ни строг он,
Ему в деловые часы
Коты переходят дорогу,
Тайком улыбаясь в усы.
И, снеди у бабушки выкрав,
Мальчишка в траве под кустом
Играет в охоту на тигров
С веселым пятнистым котом,
И даже ворчун-старичишка
К претензиям кошек не глух,
А в блюдце плеснет молочишка
Для мартовских тощих зверюг.
Какие случались облавы
На их неприкаянный род!
Но, чудом избегнув расправы,
Растет полосатый приплод,
И снова резвятся беспечно
В отсеках подвала коты
На кончике древней, как вечность,
Непрочной людской доброты...

Мария ВОСКРЕСЕНСКАЯ

ВЕСЕННЕЕ

Неоспоримы признаки весны:
уже на час переведен будильник,
все батареи так накалены,
что хочется укрыться в холодильник!
На солнцепеки вышли деды в кедах,
вибрируют любители трусцы,
детишки шпарят на велосипедах,
с витрин зазывно смотрят огурцы.

За ними очередь в ажиотаже...
весенним солнцем сделав макияж,
все женщины похорошели. Даже
любой из них дней на́ пять меньше дашь!
Не только парки, люди-человеки
вот-вот зазеленеют все окрест...
Пристроившись на вывеску аптеки,
змея уже мороженое ест!

Нина ФЕДОТОВА

ПЛАЧ

Я никогда не увижу Парижа,
Лондона, Рима, Венеции, Вены.
Я не имею валюты, престижа,
Жизни застывшей скудны перемены.

Наше веселье — подобие счастья,
Даже у близких не встретишь участья.
Главная цель — ублаженье утробы,
Только б душа не возвысилась чтобы.

Не отвлекаясь, искать пропитанья,
Сытость — идейная суть воспитанья,
Будто страданья голодной души
Сытостью можно в момент задушить.

Я никогда не увижу Нью-Йорка,
Это смешно, и печально, и горько,
Цепью прикована к месту прописки,
Еда — по талонам, товары — по спискам.

Я ни-ког-да не увижу Бомбея,
Токио, Ниццы, Мадрида, Стокгольма.
Прах мой при жизни по свету развеян,
Вот отчего так мучительно больно.

СЧАСТЬЕ — КАК ОНО ЕСТЬ

Нет меня счастливее на свете —
Я купила детям по ... конфете!
А сегодня нарвалась на мыло,
Семь часов стояла — мне хватило.
Завтра я намылюсь в бакалею,
Соли не достану — заболею.
Каждый день мне счастье валит в руки,
Гиподинамии нет и скуки,
Отхвачу то масло, то сметану,
И счастливей во сто крат я стану.
Ну а если выкинут носки,
Простою до гробовой доски.
Я от счастья, кажется, взлечу...
В панике друзья: «Иди к врачу!»
Их пугают странные детали,
Всем твержу я: «Вы здесь не стояли,
Вы здесь не стояли... Вы здесь не стояли...
Вы! Здесь! Не! Сто-я-ли!»

Татьяна КОРОЛЕВА

ВОПРОСЫ ЭКОЛОГИИ

Из труб, воронок и печей —
Яд в море и на сушу.
А сколько выбросов речей
Приходится на душу!

ПЕРЕДОВИК ЖИВОТНОВОДСТВА

Он знаток самых ценных пород:
От его неустанного рвенья
Год от года в хозяйстве растет
Поголовье козлов отпущенья.

Любовь ЯРОВАЯ

ВЕЧЕРИНКИ

А в начале вечеринки
С нас сдуваются пылинки,
И словесные картинки
Так приятны, так нежны...
Не впервые слышим, все же
Не растаять мы не можем,
Хоть всегда одно и то же
Напевают болтуны.
А в разгаре вечеринки
Супермодные ботинки,
С наворотами ботинки
Мою ногу под столом
Зажимают, как в капкане,
А в бокале... нет, в стакане.
Снова порция вливанья —
Что-то мерзкое со льдом.
А в финале вечеринки —
Выраженье лиц — поминки
После небольшой разминки
На диване и в углах.
Сели, в видео уткнулись,
Друг от друга отвернулись,
Каждый думал: «Доберусь ли?»
И о завтрашних делах.
Вот такие вечеринки...
Все заиграны пластинки,
Все покрыто паутинкой,
Эта тема — ерунда.
Но с какой такой надеждой,
В макияже, как и прежде,
В самой фирменной одежде
Снова мы спешим туда?

Р. ДРУКМАН.

А НУ, ОТДАЙ ПАПАХУ!!

Елена БЕЗЛЕПКИНА

ВЕСЕННЕЕ ПОДОБОСТРАСТИЕ

Рассказ

Бродвеев занял очередь и понял, что он последний. Никто не подбегал и, запыхавшись, не спрашивал: «Вы последний?» Нет, этого никто не делал. Бродвеев действительно был последний. Вообще. Вороны искристо переливались на солнце, с карканьем, мерцая, проносились мимо и подмигивали ему на лету своими черными глазами.

Весна только начиналась. Еще только наступала пора глубоких луж. За ней последует пора глубинно-мокрых до полной непроходимости улиц и тончайшего весеннего веяния. А потом все высохнет, и наступит лето. Вместо тяжелых пальто, сильно отвисших на людях за долгую зиму, Бродвееву уже грезились невесомые разноцветные купальники и плавки. Они мелькали перед его глазами, как поглощенная черной дырой радуга. Пространство было неуловимо в смене ослепительных бликов. Проезжающие машины то и дело окатывали очередь фонтанами грязных солнечных брызг. Долетевшими до Бродвеева каплями покрылся купленный совсем недавно ему женой светлый импортный плащ, но все же Бродвеев весело смотрел в глаза проходящим мимо людям. Он ликовал, никто больше не становился в очередь. В этом не было никакого смысла: за мгновение до того, как Бродвеев пристроился к этому изнуряюще длинному ряду людей, с отсутствующим видом стоящих в затылок друг другу, продавщица вдруг очень громко, как на параде, крикнула, чтоб больше не занимали. Ее крик долетел до неба, голубого весеннего неба, и отозвался болью в сердцах многих прохожих, спешащих по своим субботним делам.

Суббота и весна, эти два прекрасно сочетающихся времени года. Люди, стоящие в очереди, сразу немного ожили и на миг как бы озарили все вокруг своим присутствием. Те же, к которым относился крик, все те люди, которые еще не успели остановиться в своем уже пустоцветно-запоздалом порыве влиться в очередь,— они как-то беспомощно засновали вокруг, рассеянно потыркались, покружились и незаметно исчезли в круговороте каких-то других неведомых очередей. А Бродвеев остался. Остался, потому что от крика продавщицы его отделяло всего лишь одно мгновение. Может быть, секунда, а может, меньше. Или немного больше. Продавщица холодно посмотрела в его глаза, и он понял, что от нее не укрылось это мгновение и что его судьба еще не решена. Своим криком, а потом этим взглядом продавщица как бы отделила Бродвеева от общей массы очереди и словно утвердила его в статусе инородного для очереди тела. А инородное тело, как знал Бродвеев, может отторгнуться, а может, наоборот, обрасти соединительной тканью и постепенно прижиться, стать своим, родным. И Бродвеев со временем надеялся стать таким телом. Он стоял, испытывая чувство восторженного ужаса и выдавливая из себя экзальтированные частицы неведомо какой соединительной ткани. Но всем телом он ощущал, что занимает пространство, которое на самом деле неуклонно и безжалостно отъединяет его от этой непостижимой, недосягаемой, пропахшей бананами очереди.

Чтобы как-то отвлечься от тяготящего душу ощущения своей непреодолимой, как ему все больше казалось, чужеродности, он стал смотреть по сторонам. У стены продовольственного магазина слабо излучался олигофрен. Видимо, он ждал кого-то, его почему-то не взяли с собой в магазин за покупками, и он стоял, послушно и безропотно, глядя с откровенной бессмысленностью куда-то вниз, себе под ноги. Бродвеев мог поручиться, что олигофрен за все то время, как остался один, ни на шаг не соступил с того места, где его и оставили. Весь он несуразно дергался. Дети оборачивались на него. Наверное, он уже порядком устал от этой перекошенной головотяпой толпы, потому что вдруг сильно встрепенулся и зевнул. Было неприятно смотреть на олигофрена, но после того, как он зевнул, тоже нестерпимо захотелось зевнуть. Бродвееву это казалось невероятным и невозможным. Частицы соединительной ткани забуксовали. Хотелось источать молекулы счастья. Лучи стали затягиваться невидимым хрупким льдом. Олигофрен вспыхнул и погас. Он исчез, растворился в свете повседневности, передав свой зевок.

Бродвеев, избегая зевать, посмотрел на продавщицу. С гордым видом она взвешивала бананы. У продавщицы было лицо, глядя на которое, Бродвееву хотелось мчаться куда-то вдаль, как собака, сорвавшаяся с цепи. Куда бежит собака, сорвавшись с цепи? О чем она думает? Этого Бродвеев не знал, но ему хотелось, как и ей, на бегу вонзать в ноздри неуловимо тонкие ароматы влажной весенней земли. Все в этой продавщице казалось ему непонятным и необъяснимым. Откуда эти вздрагивающие на ветру волосы, глаза с непредсказуемым взглядом, то и дело бегло охватывающим очередь, медленно струящуюся в неуловимо ослепительном пространстве?..

Очередь медленно укорачивалась. Бродвеева ужалила мысль о том, что укорачиваться она будет до тех пор, пока не укоротится до него, до Бродвеева, и тогда он, занимая узенькую полоску пространства, останется совсем один, с глазу на глаз с этой лихой горластой продавщицей, прижимающей к своему дородному телу последнюю гроздь тяжелых ароматных бананов. Это неизбежно произойдет. Продавщица посмотрит на него невидящим светлым взглядом. А он, придав лицу независимое и дерзкое выражение, пригласит ее в ближайший ресторан. В своем синем галстуке, который сегодня утром был надет просто по инерции, Бродвеев выглядел довольно перспективно или, как он сам говорил, продуктивно. А если еще он улыбнется, не меняя при этом дерзкого выражения лица, то продавщица обязательно согласится. И в ресторане за бокалом шампанского, пристально и беспристрастно глядя в обветренное и какое-то даже знакомое лицо продавщицы, он спросит ее, почему вся его прошлая жизнь не состыковалась с этой очередью, в которую он опоздал на одно маленькое, почти незаметное мгновение. Бродвеев вдруг вспомнил, как учился в детстве шевелить ушами, а потом вступал в пионеры, как пылали от невыразимого счастья эти уши. Да, он все расскажет продавщице, разложит перед ней свою жизнь по полочкам, а потом, допив до дна шампанское, достанет из внутреннего кармана своего субботнего пиджака пистолет и застрелится у нее на глазах. И этот выстрел, сделанный им самим в самого себя, будет единственным и неповторимым, первым и последним, как и каждый очередной миг его романтической, полной неразгаданных тайн и веселых приключений жизни...

— Молодой человек, как вам не совестно! — услыхал вдруг Бродвеев совсем близко от себя. Возле него стоял какой-то щуплый старичок с тростью в руке и укоризненно, почти обиженно, смотрел на него. Бродвеев вы-

См. стр. 12 ▶

У ТОТОШИ И КОКОШИ

Жанна ДАВИТЬЯНЦ

КУХОННАЯ ИСТОРИЯ

В кастрюльке два яйца варились,
Они ругались и мирились,
И бились лбами в сотый раз.
Одно — все время задиралось,
Другое — выпрыгнуть старалось,—
Пришлось слегка убавить газ.

Но снова брат пошел на брата,
Видать, упорные ребята —
Им не по нраву гладь да тишь.
И я сказал сестре Наташке:
— Да, петушиные замашки
Под скорлупой не утаишь...

МОЙ БРАТ

Кирюшка...
Разве ж это брат?
Меня накажут —
Он и рад.
А я обычно
Заступаюсь,
Когда он в чем-то
Виноват.

Отец кричал вчера:
— Кирилл,
Ты рукомойник
Засорил?
А я сказала:
— Что ты, папа!
Он с Петькой во дворе
Курил...

ОСА В КОМНАТЕ

Залетела к нам оса
И гудела два часа.
Извелась совсем без дела,
Даже вроде похудела.

Я достал в шкафу варенье,
Я к животным — всей душой!
— На, поешь для подкрепленья,
Будешь толстой и большой.

●

На кусте ирги поспевают ягоды.
— Можно их есть?— спрашивает Саша.
— А ты сорви,— советует старший брат Женя.— Если тетя, которая сидит на скамейке, заорет, значит, съедобные.

●

— Вы чего такие взъерошенные?— строго спрашивает мама.— На лифте небось катались?
— Нет,— говорит Саша,— это мальчишки катались. А мы просто рядом были.

●

— А когда мы пойдем грибы согрибать?— спросил Сережа.

●

Второклассница Наташа пишет домой из пионерского лагеря: «Кормят здесь хорошо, так что ждите от меня прибавления».

Прислала В. ТАЛЬЯК, г. Гомель.

●

— Ну вот,— вздыхает мама в ванной комнате,— ножное полотенце выстирала. Чем ноги вытирать?
— А ты вытирай ногу об ногу,— советует Саша.

Прислал А. АНИСЕНКО, г. Кузнецк.

●

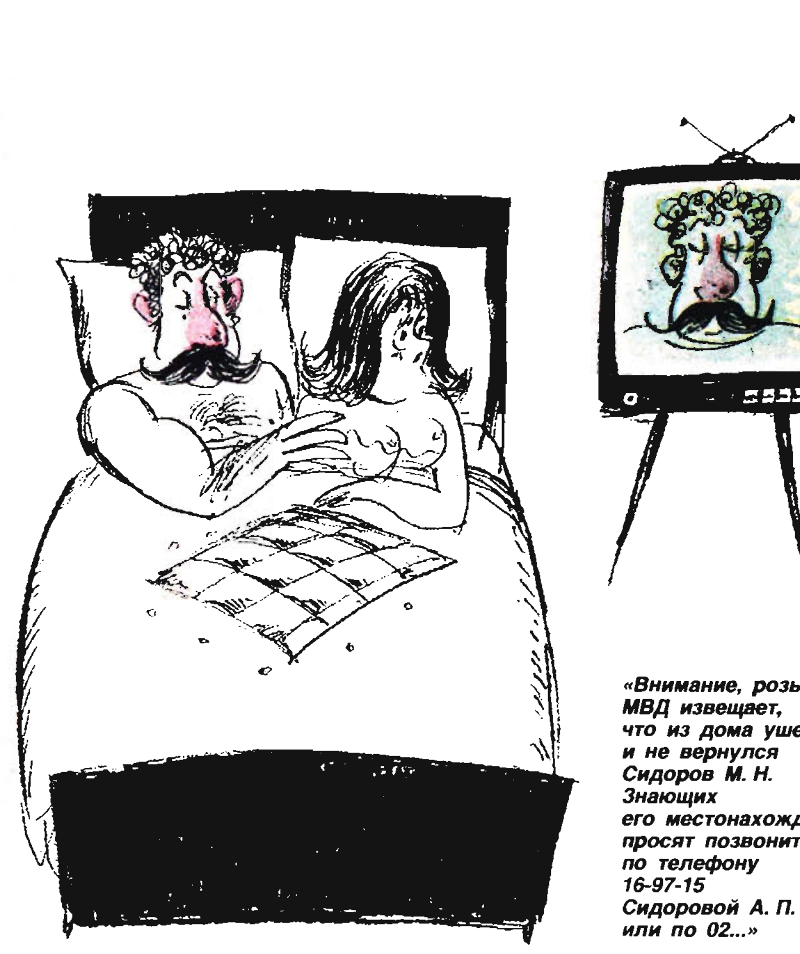
— Папа, я видел гнездо птички, а в нем птенцы.
— А что они делают?
— Птенчат.

Прислал П. ТРЕТЬЯКОВ, г. Нижнеудинск.

●

— Папа, приходи в садик на концерт, я буду выступать.
— А что ты будешь делать?
— Я буду второй частью лошади.

Прислал Ю. ШИГАЕВ, г. Москва.

«Внимание, розыск! МВД извещает, что из дома ушел и не вернулся Сидоров М. Н. Знающих его местонахождение просят позвонить по телефону 16-97-15 Сидоровой А. П. или по 02...»

Г. КАРАВАЕВА.

«ГЛУПЫЕ КОМАНДУЮТ УМНЫМИ. А ПОЧЕМУ?» —

спросила Катя Семенова у Крокодила

Откликаясь на многочисленные просьбы читателей — пригласить на страницы журнала одну из эстрадных звезд для откровенной беседы — и предприняв несколько неудачных попыток (некоторые звезды вежливо уклонялись от интервью, считая, что их присутствие в сатирическом органе может «подмочить» репутацию, а других перманентно не было в Москве), Крокодил наконец втиснулся в легковушку, которая везла всем известную Катю Семенову из Останкина в Шереметьево — отбывать на очередные гастроли. По дороге у них и случился нижеследующий разговор.

КРОКОДИЛ. Уф! Вы, эстрадные звезды, неуловимы, как мстители. Но теперь вы от меня не уйдете, как из контрразведки батьки Бурнаша!

СЕМЕНОВА. И не собираюсь уходить. Ваш журнал люблю с детства. Поэтому обещаю отвечать честно и откровенно и, насколько сумею, сатирично.

К. Первый вопрос тогда: можно к вам обращаться просто «Катя»?

С. Конечно. Так написано на моей афише. Так меня называют все — от телевизионных боссов до поклонниц.

К. Популярность не тяготит?

С. В общем, нет. Особенно когда в магазине узнают и без очереди пропускают. Впрочем, к «фанатичкам» отношусь отрицательно. То стены в подъезде всякими признаниями испишут — вот радости-то нашему домоуправлению! То письмо придет: «Катя! Мы тут поссорились из-за Вас, я доказывала, что Вы лучше всех, и поэтому ради Вас выпрыгнула из окна». Ничего себе, «ради меня»!.. Что же касается популярности в прессе... Приятно, конечно, но не всегда. Корреспондент одной ленинградской газеты ходил, ходил, жутко надоел. Да пишите, говорю, что хотите! Он и написал: дачи нет, квартиры приличной нет, машины нет — что же это за звезда?! Ей бы с такими, написал, взглядами лет на тридцать пораньше родиться... Оригинальная точка зрения, не правда ли?

К. Наша с вами беседа будет опубликована ко дню 8 Марта. Так что для разбега давайте начнем с какой-нибудь «душещипательной» истории, разумеется, со счастливым концом.

С. Ну, тогда это история о том, как я все-таки попала на эстраду. В общем, жила-была девочка, которая однажды захотела стать певицей. Трижды пыталась поступить в Гнесинское, не принимали: «Кто вам сказал, что надо сюда поступать? С таким голосом не только петь, но и говорить-то... Гм...» Ну и так далее. А я не понимала, почему — пою дома, пою в школе, всем нравится, а этим педагогам — нет? Какая-то волна протеста во мне поднималась. Я упрямая — вот настойчивостью, наверное, и взяла.

К. Как говорится, много и упорно работала над собой?

С. Разумеется. Но не столько над собой, сколько просто работала. Была бухгалтером, санитаркой, секретарем-машинисткой... А еще раньше, в школе когда училась, подрабатывала уборщицей. Я без родителей рано осталась, вот и должна была... Но однажды мама одноклассницы увидела, как я рано утром подъезд мыла. Информация дошла до школы, ну — встрепенулись!

К. Помогли?

С. В наших лучших советских традициях: собрали собрание, стали прорабатывать. Ты, мол, школу позоришь... Да что там! У меня почтительное отношение к официозу, прививавшееся с самого октябрятства, к четырнадцати годам рассеялось. Вспомните, как в комсомол-то нас всех принимали... Зубрили, главное — сколько у него орденов и прочее. Девчонки «ценные сведения» на колготках писали... И вот после такой подготовочки меня в райкоме спросили только одно: «А платье почему это на тебе такое короткое?» Я разозлилась и говорю: «А потому что у меня ноги красивые!» Я терпеть не могу любое сверхуверенное в себе начальство и вообще не понимаю, почему более глупые, как правило, командуют более умными?

К. А более конкретно можете сказать?

С. В принципе я знаю ответ: говорят же, хочешь выставить дурака в истинном свете — назначь его начальником. А конкретнее?.. Были случаи, но... Нет, не надо, не хочу вспоминать.

К. Ну, хорошо. А к эстраде ситуация, когда глупые командуют умными, относится?

С. Само собой. Куда катится страна в целом, куда катится культура — туда же и эстрада. Я не критик, но это же сразу видно, сколько лишних людей появилось на эстраде с тех пор, как разрешили платить артистам больше, чем по две ставки. В кулуарах такие разговоры слышишь: вот сейчас свое возьмем, а налоги увеличат — можно и не работать... Понимаете, это люди, далекие от искусства, но их так много... Или взять феномен «Ласкового мая»: группа довольно низкой культуры, но ведь ни один коллектив не имеет таких сборов! Против всего этого в одиночку невозможно бороться, а объединиться?.. Не знаю, артисты какие-то озлобленные, разобщенные. Многие, во всяком случае.

К. Значит ли это, что у певицы Кати Семеновой нет примеров для подражания?

С. Почему же, есть. Бесконечно уважаю Пугачеву, Кузьмина, Леонтьева... Нет, если перечислять тех, кого уважаю, это до послезавтра хватит. Я люблю всех, кто любит и умеет работать. Я почти десять лет у микрофона — и знаю, как это сложно.

К. За все предыдущие годы на теле западной индустрии развлечений, наверное, живого места не осталось: столько в нее, бедняжку, наши газетчики критических стрел выпустили! Особенно налегали на печальные судьбы звезд, которых там прямо-таки штампуют и пускают в оборот...

С. Ничего плохого в этом не вижу, при условии, что артист талантлив. Вроде бы и у нас начинают понимать: звезды ДЕЛАТЬ нужно — не нужны ДЕЛАННЫЕ звезды. Чувствуете разницу?

К. Говорят, что вас сделал звездой Давид Тухманов: написал для начинающей певицы песню «Зеркало», а дальше все пошло как по маслу.

С. Господи, если бы так! На самом деле стóит один раз появиться на эстраде — и уже готов стереотип. Я, например, быстренько для всех стала этакой девочкой-попрыгушечкой. Ну, и песни предлагали соответственные... Когда же зашла речь о «Зеркале», Тухманов сказал: эта песня не для тебя... А я-то знала, что могу спеть. Как я его умоляла, как просила! Наконец убедила, сдался. Вот и вся «индустрия звезд» в отечественном варианте. Всего добиваться надо самой.

К. Кто же у нас в конечном итоге на эстраде диктует вкусы, кто законодатель мод: автор песни, исполнитель, продюсер?..

С. Зритель. Он главный.

К. Это дежурный реверанс?

С. Почему же? Я в самом деле не помню плохого зала. Иногда, конечно, приходят на концерт с таким выражением на лице: «Ну-ну-ну, что она нам тут выдаст?», но уходят, мне кажется, повеселевшими. Наверное, потому, что не выбираю, чем бы угодить, как бы специально под зал подстроиться. Просто считаю: в жизни человека ничего не может быть важнее любви. Об этом и пою. И всегда в зале чье-то сердце откликнется. Этот зритель и есть главный.

К. А на телевидении? Там все решает редактура. Ходят слухи, что кое-кто из редакторов устроил себе неплохую «кормушку». Впрочем, наверное, ТВ вы критиковать не будете?

С. Отчего же? Я не люблю телевидение. Но куда деваться, оно должно быть в жизни артиста, если он хочет быть популярным. Беда в том, что на ЦТВ нет свободы выбора: задумаешь спеть песню, а ее не берут; зато уж если начнут крутить, обязательно одно и то же... Меня несколько лет показывали исключительно с двумя песнями — «На минутку» и «Последнее танго». Наверное, вся страна решила, что я больше ничего петь не могу. В Чехословакию поехали, так меня встретили цитатой из «Последнего танго». Я взъерошилась. «Не надо,— говорю,— только это цитировать, я ведь еще одну песню знаю!»

К. Ладно, заграницу трогать не будем, мысленно вернемся в Останкино.

С. Хорошо, вернемся. Смотрю на родной советский экран и думаю, что скоро, наверное, любой песне на русском языке надо будет присуждать приз. Одни западные клипы.

К. Говорят, чтобы мелькнуть на экране, каждому исполнителю приходится платить тысяч десять?

С. Вот уж не знаю, да еще с такой точностью... Я ни разу не платила: приглашают — выступаю.

К. Куда же вы деваете ваши деньги? В магазинах пусто...

С. Вообще-то у меня проблемы обратного свойства. Той лопаты, которой, как считается, артисты гребут, я в своих руках не держала... И потом вспомните нашу систему — за все платишь сам: за рекламу, за афиши, за календарики там какие-нибудь... И еще: в последнее время я взяла шефство над одной школой для детей с недостатками слуха. Вот туда свои «капиталы» и вложила.

К. Это что, вам по разнарядке школу выделили?

С. Дело было так. В прошлом году состоялся телемарафон, со мной наша группа «Алло» должна была выступать, мы приехали, а ведущая говорит: «Группу мне уже не надо!..» Что ж, не надо так не надо. Уехали оттуда все вместе, я говорю своим: а давайте, пока «марафон» идет, переведем наличные деньги прямо в Детский фонд! Ну, давайте. Стала звонить, чтобы узнать номер счета, а меня от телефона к телефону футболят: «Мы номер счета не знаем, если вам надо переводить, вы и узнавайте». «Мне надо!» Ничего себе, Детский фонд!.. Такое паршивое настроение из-за этого навалилось. И вдруг звонок в дверь: девчонки цветы принесли, открытку. Эти школьницы меня давно по почте поздравляли. В общем, вот уже год как чего-то им покупаю, сама привожу. Но и тут — господи ты мой! — в бумагах погрязнуть можно. Оказывается, если я просто так им подарю что-то, первая же проверка из школы это может забрать,— документов, значит, нет. Вот приходится чуть ли не дарственные по всей форме выправлять. А как-то зашел разговор: может быть, на мебель (им раз в 15 лет дозволяется новую покупать) деньги из Детского фонда взять? Так мне разъяснили, что ни одна школа, ни один детский дом из этого фонда напрямую ничего получить не могут. Что ж это за фонд?! Знаете, рубрика такая: если бы директором была я, то все бы по-другому организовала...

К. А если бы — министром культуры? Если нынешние не справятся? Вам, артистке, виднее, что у нас на эстраде не так.

С. У нас все не так. Забывают, что все зависит от конкретного человека, артиста. Ему нужно дать возможность для творчества. А у нас? Можно день и ночь работать и едва себя обеспечивать. «За кордоном» же бывает достаточно сделать раз в полгода настоящий, яркий концерт — денег хватит. И еще хорошие заработки у них за пластинки, а нам гонораров едва хватает, чтоб эту самую пластинку потом купить...

К. Грустно. Давайте все же закончим беседу на жизнерадостной ноте — тем более что уже показался аэропорт.

С. Тут недавно по телевизору супруги Глоба предсказывали, что голод будет у нас аж до 1994 года. От всей души желаю, чтоб они ошиблись и чтоб к тому времени голода у нас не было, разве что на доброту и на улыбки!

Катю и Крокодила провожал в Шереметьево Евг. ОБУХОВ.

— Дорогая, больше из мебели ничего не было!

Т. ЗЕЛЕНЧЕНКО, г. Харьков.

КОНВЕРСИЯ, ГОВОРИШЬ ?!!

В. ВЛАДОВ.

Р. САМОЙЛОВ.

◀ Со стр. 9

ВЕСЕННЕЕ ПОДОБОСТРАСТИЕ

шел из оцепенения и стал разглядывать старца. Тот был очень мал; его тонкую лебединую шею под черным пальто аккуратно облегал безупречной белизны гладкоматерчатый шарф, на носу сверкало пенсне, сквозь которое солнце било ему в глаза.

— Как вам не совестно ковырять в носу! — повторил старик прыгающим от волнения голосом. Бродвеев растерялся. Задумавшись, он даже не заметил, как начал ковырять в носу. Он не знал, что ответить этому представителю старой интеллигенции. Его не удивило, что старикашка обратился с этим замечанием именно к нему, хотя, Бродвеев был уверен, не он один ковырял в носу во время размышлений в очереди. Просто Бродвеев был на виду, потому что был последний.

Старикан, негодующе качая головой, удалялся от него, опираясь на свою трость и тщательно, как жук-короед, обходя широкую длинную лужу. Душа его была чиста, как алмаз, и стара, как Везувий.

Бродвеев вдруг понял, откуда это лицо продавщицы. Оно из его забытых снов. Продавщица приходила к нему во сне, целовала взасос и уходила. Да, это была она. Именно тогда он стал понимать, что любовь и бананы — две совершенно разные вещи. Однажды они случайно встретились в планетарии. Там, в этом кружеве звезд, в темноте, они в первый раз и поцеловались. Они стали ходить в планетарий каждый сон. А потом планетарий закрыли на ремонт. Ни он, ни она не могли довольствоваться голой, беспланетной любовью, и все кончилось. Так это было.

Бродвееву стала понятна тишина, вернее, затишье, в котором рождается мгновение, переходящее в пронзительный крик, в невыносимый радостный визг. И хотелось жить, чтобы заскорузлыми от холода пальцами чистить пусть даже какой-нибудь скукоженный банан. Бродвеев все больше и больше сжимался от какого-то волнующего, радостного предчувствия, он почти сплющился и, конечно, пропустил очень важный момент, в который очередь, преодолев земное притяжение и облегченно вздохнув,— этого Бродвеев тоже не слышал,— вознеслась к прозрачному, полыхающему весенней голубизной небу. Бродвеев стоял уже под выступом крыши, с которого ему капало за воротник, когда это произошло. Совершенно случайно он взглянул на свои старые, давно вылинявшие ботинки, которые начали промокать,— так, что это уже чувствовалось через носки,— и вдруг с изумлением обнаружил, что он возносится вверх, причем не один, а вместе с беззвучной, веером разлетающейся очередью. Бродвеев невольно задрыгал ногами. Какая-то неведомая сила тянула их всех туда, вверх, за облака, хотя никаких облаков не было,— но тянуло именно за облака, это Бродвеев чувствовал остро. Внизу — он видел — к тому месту, откуда они взлетели, со всех сторон сбегались люди, быстро покидая магазины и совершая невероятные, головоломные прыжки через лужи, и давешний олигофрен очень удачно перепрыгнул через очень большую лужу, крепко держа под мышкой давешнего старикана. Он осторожно опустил его на тающий, весь в крапинках, снег, и старикан, мерзко встряхнувшись, как собака после купания, задрал голову и сквозь свое уже где-то разбитое им пенсне стал напряженно всматриваться ввысь. А они все поднимались, наслаждаясь свободой не заполненного людьми пространства. Достигнув какой-то неведомой высоты, очередь рассеялась и поднималась дальше уже беспорядочно. Продавщица реяла рядом и, кокетничая, протягивала Бродвееву банан. «Угощайся, Бродвеев», — ласково шептала она, и он понял, что она охрипла от крика и не может говорить в полный голос. Он хотел было взять протянутый банан, но у него оказались заняты руки. В одной руке была сумка с молоком и хлебом, а в другой — невесть из каких земель вырванная покореженная табличка с надписью на трех языках: «По газонам не ходить». Видя его затруднение, продавщица, понимающе улыбнувшись, сама очистила банан и услужливо стала кормить Бродвеева из своих рук. Ошарашенный радостью понимания, Бродвеев быстро откусывал и жевал с широко открытыми глазами.

— Очередь набрала критическую массу,— объясняла продавщица Бродвееву тоже почему-то на трех языках, и он кивал в ответ с набитым ртом, слабо соображая, о чем она говорит.— Это ты, Бродвеев, во всем виноват,— продолжала она, легкомысленно бросая вниз шкурку от съеденного им банана.— Говорила же я: очередь больше не занимать,— при этих словах в ее хриплом шепоте появилась досада, а во взгляде — укор. Бродвеев, напыжившись, опять кивал, с нетерпением ожидая, когда будет очищен следующий банан, от которого, едва лишь показалась его головокружительная ребристая белизна, он тотчас откусил.— Я знала, знала, что мы взлетим,— сокрушалась продавщица на трех языках, целеустремленно глядя на Бродвеева. Неожиданно из ее глаз на обветренные щеки скатились две маленькие капли, в которых Бродвеев не без гордости разглядел свое отражение, и она только на одном языке, а может быть, на смеси языков, произнесла какую-то странную, непереводимую фразу, отчего в душе у Бродвеева встрепенулось что-то очень светлое. С тайным удовольствием он представил себе самого себя, парящего с одухотворенным лицом в заоблачных высях. Поглощая третий по счету банан, он чувствовал себя почетным гражданином Земли — единственной планеты, которую знал.

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

«При соблюдении указанных правил завод гарантирует срок носки — 75 дней со дня продажи».

Из инструкции к женским туфлям ценой 29 руб. 60 коп. завода резиновых изделий в г. Калининске Саратовской области.
Прислал С. Лукашин, Саратовская область.

«Сына я воспитываю в строгости — каждый день с ним скандалила и доходила до драки».

(Из допроса свидетеля)

«За период своей работы я была сторонником всех хищений, махинаций и злоупотреблений, за что не нравилась начальству и их друзьям».

(Из заявления в прокуратуру)
Прислал В. Васильев, Смоленская область.

«Требуется прогульщица, т. е. женщина для прогулок с ребенком».

(Объявление)
Прислала И. Демидова, г. Ленинград.

Турандот

— Прекрасная принцесса, позвольте вместе с моими поздравлениями преподнести вам лучший, я считаю, подарок к празднику — отборные читательские ответы на каверзности № 33.

— Прошлогодний снег в этот весенний день, как ни странно, я принимаю с не меньшим удовольствием, чем вашу веточку мимозы. Спасибо, любезный Калаф. А теперь я, как всякая женщина, спешу поскорей рассмотреть подарок.

— Рассмотрению, ваше высочество, вначале подлежат трехбалльные ответы. Позвольте зачитать лучший, на мой взгляд, — А. И. ФЕДОСЕЕНКОВА из Демидова Смоленской области: *«Н. В. Гоголь в своем произведении «Мертвые души» нигде помещика Плюшкина по имени не называет. Но старшая его дочь, Александра Степановна, упоминается. Следовательно, имя Плюшкина — Степан».*

— Замечательный ответ на каверзность I степени! Могу ли я услышать, кто еще у нас знаток творчества Николая Васильевича?

— Иван Павлович. Титов. Из ст. Мигулинской Ростовской области. Илья Юрьевич Акимов из Усть-Каменогорска, Юрий Григорьевич Слепченко из Кургана. И еще полторы сотни читателей.

— Что ж, и на каверзность II степени, «В какой период времени встретились толстый и тонкий?», столько же правильных ответов?

— А вот и нет, дорогая! Я перебрал что-то около трехсот писем, но обнаружил лишь одно, авторы которого — ленинградцы ЖИРЯЕВЫ — начислили себе 6 баллов правильно. Кстати, Елена и ее восьмилетний сын Вася являются единственными на сей раз абсолютными чемпионами № 33. Цитирую их ответ: *«Поскольку Николаевская железная дорога была построена в 1851 г., а рассказ А. П. Чехова написан в 1883-м, очевидно, в этот период времени и произошла встреча двух школьных приятелей».* Остальные ответы, как правило, утверждают, что рандеву на вокзале состоялось после обеда (см. рассказ) или в холодное время года (см. там же).

— Лавровый венок семье эрудитов Жиряевых и отдельные поздравления наверняка прекрасной Елене, Васиной маме! А чем порадуют девятибалльники? Что они знают о спектакле «... Буржуй в бутылке»?

— Хочу привести почти полностью письмо москвича Юрия Никаноровича ЧИСТЯКОВА: *«Все «Шутейские рассказы» Вячеслава Шишкова с довоенных времен знаю наизусть. «Спектакль в селе Огрызове» читал многократно в школьной художественной самодеятельности. Однажды была у нас даже и инсценировка этого рассказа. Я был Буржуем, который стрелял в несчастную Аннушку, а получались осечки.*

Так что поставлена эта пьеса была дважды: сначала (после гражданской) — в школе села Огрызова, а потом (в 1936 г.) — в школе № 1 г. Череповца Вологодской области». Хотя, конечно, если бы не личное участие Юрия Никаноровича во второй постановке, то академичный ответ звучал бы так, как у Ф. М. ЗЕЛЕНЕЦКОГО из Алма-Аты: *«Спектакль был поставлен один раз и провалился в первый же день по ряду умопомрачительных обстоятельств. Не удалось местному активисту Павлу Мохову с ходу поднять уровень культуры в своей родной деревне».*

— Я благодарю всех приверженцев моей рубрики за прекрасный праздничный подарок и предлагаю их вниманию новые

ЗАГАДКИ

Каверзность I степени

В связи с каким спектаклем мог быть устроен пикник с угощением из тухлых яиц, гнилой капусты и шестидесяти четырех дохлых кошек?

(3 балла).
Л. ВОСКРЕСЕНСКАЯ, Минск.

Каверзность II степени

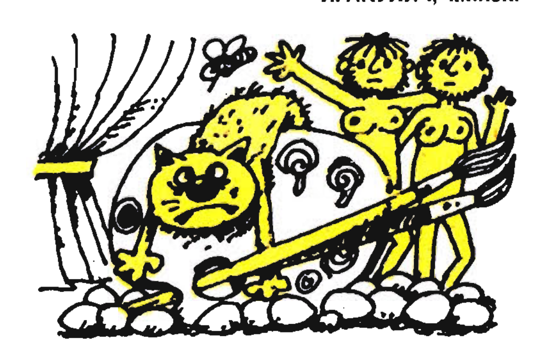
Что общего в картинах художников Н. П. Чехова «Въезд Мессалины в Рим» и И. И. Левитана «Осенний день. Сокольники»?

(6 баллов).
А. БЕЙЛИН, Москва.

Каверзность III степени

Когда серьезный писатель берется за озорные рассказы, вполне может получиться, что Адама невозможно отличить от Евы. Не припомните, почему?

(9 баллов).
И. АКУЛИЧ, Минск.

Мудро предвидя приближающееся 8 Марта, Крокодил решил предоставить свои страницы коллегам-международницам.

Оказалось, что найти их можно лишь в масонской ложе «33+1» — Международном клубе женщин-журналистов, члены которого — аккредитованные в Москве иностранные корреспондентки и наши примадонны пера с Инной Васильковой в качестве хормейстера. Клуб в чем-то сродни тарану: после выбора жертвы-мужчины, амазонки средств информации наскакивают на него с вопросами наперевес. И редкие крепости не сдаются на милость победительниц: клуб взял такие неприступные форты, как Рыжкова, Губенко и даже самого Крючкова. Только Горбачев пока удачно выдерживает осаду.

Редакция разработала опросник из трех вопросов:

А. Самый забавный случай в вашей профессиональной карьере?

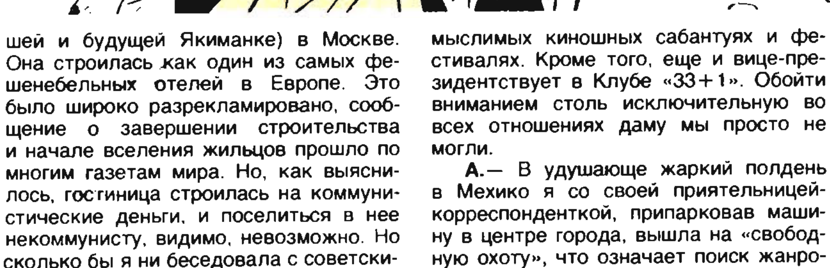
В. Какая смешная история приключилась с вами в нашей стране?

С. Что вам нравится и не нравится в советских мужчинах?

А потом послала на задание наиболее шустрого и донжуанистого корреспондента.

ОПЕРАЦИЯ «33+1»

Блицинтервью с экзотическими дамами

Правда, не вдруг нашлись те, кто захотел и смог ответить на три каверзных крокодильских вопроса. Директор бюро коммерческой телекомпании «Фудзи» **Нобука МАЦУРА**, продумав несколько дней, сослалась на «слишком большую интимность всего забавного, что с ней происходит». Ну, не вторгаться же в интимную жизнь инокорреспондента в самом деле, тем более что и на вопрос «С» — о нас, советских мужиках, Мацура-сан тоже ответила:

— Вы знаете, это тоже слишком интимно.

СТЫДЛИВЫЕ РЕГБИСТЫ

Зато **Ригула ШМИД** попалась в расставленные Крокодилом силки. Ее газета «Журналь де Женев» — орган довольно серьезный, чтимый в Европейском отделении ООН. Тем более приятно, что московский корреспондент этого солидного издания оказалась весьма остроумной и язвительной собеседницей.

А.— Самый забавный и даже слегка скабрезный случай в моей журналистской практике произошел со мной во Франции. Я работала тогда обозревателем известной спортивной газеты «Экип». Поручили мне как-то раз осветить матч двух французских команд по регби. Надо признаться, что я мало разбиралась в тонкостях игры. Но спортсмены мне понравились: здоровяки, с бычьими шеями и могучими трицепсами, и в то же время ловкие, проворные, весьма быстро бегающие.

Желая поближе познакомиться с командой победителей, я пошла в раздевалку, предъявила свое журналистское удостоверение слегка ошарашенному полисмену и вошла в их комнату.

Ни тренера, ни игроков там не оказалось, и я прошла в дверь, ведущую в другое помещение, которое оказалось... душевой!

Надо было видеть, как поражены были игроки, которые в этот момент как раз намыливали головы. По всей видимости, если бы на площадке я «приземлила» мяч в их зачетном поле, они бы удивились значительно меньше. Разговоры их смолкли, и в гробовой тишине, нарушаемой лишь шумом воды, они пытались прикрыть свои самые интимные места всем, что попадалось им под руку: кто мыльницей, кто баночкой из-под шампуня. Затем бочком-бочком они стали выдвигаться к своим полотенцам, все еще храня молчание. Я была столь поражена этой картиной, что замерла как вкопанная с фотоаппаратом и диктофоном наперевес. И только когда все они — в пене, мокрые — прикрыли свои места от пупка до колена махровыми полотенцами, один из них, видно, капитан команды, взвизгнул: «Что вы тут делаете и как вы тут оказались?!»

Его визг снял с меня оцепенение, я молнией вылетела из душевой и расхохоталась.

В.— Наиболее смешным, парадоксальным, невероятным в Советском Союзе я считаю гостиницу «Октябрьскую», что на улице Димитрова (бывшей и будущей Якиманке) в Москве. Она строилась как один из самых фешенебельных отелей в Европе. Это было широко разрекламировано, сообщение о завершении строительства и начале вселения жильцов прошло по многим газетам мира. Но, как выяснилось, гостиница строилась на коммунистические деньги, и поселиться в нее некоммунисту, видимо, невозможно. Но сколько бы я ни беседовала с советскими коммунистами, ни один из них, также ни за какие деньги, не мог поселиться в этой гостинице. Правда, не так давно я видела по советскому телевидению интервью с одним членом Политбюро, который якобы проживает в этой гостинице, не имея собственной квартиры в Москве. Я так много раз повторяю слова «видимо», «якобы», «вероятно», потому что проверить соответствие действительности слухам и газетным сообщениям невозможно: иностранных корреспондентов не пускают не только в саму гостиницу, но даже в гостиничный двор. Говорят, что для того, чтобы в него войти, нужно быть как минимум членом Центрального Комитета. Шедевр гостиничной архитектуры, дизайна и комфорта только для членов ЦК? Ничего смешнее в вашей стране, на мой взгляд, быть не может.

С.— В советских мужчинах мне нравится их галантность: на рандеву со мною они практически всегда приносят цветы. В советских мужчинах мне не нравится то, что на принесении цветов вся их галантность заканчивается, они могут быть невежливы, вульгарны и даже грубы.

«ХОЧУ ЗАМУЖ!»

Галину КМИТ в бывшем АПН знают все. От смены названия ее агентства в ней самой ничего не изменилось: как была женщиной-петардой, так и осталась. Гастролирует по всему миру с уникальной фотовыставкой «Эти великолепные мужчины», тусуется на всех мыслимых киношных сабантуях и фестивалях. Кроме того, еще и вице-президентствует в Клубе «33+1». Обойти вниманием столь исключительную во всех отношениях даму мы просто не могли.

А.— В удушающе жаркий полдень в Мехико я со своей приятельницей-корреспонденткой, припарковав машину в центре города, вышла на «свободную охоту», что означает поиск жанровых сценок и красивых видов с фотоаппаратом наизготовку. Едва отойдя от машины на несколько сот метров, я увидела подъехавшую к ней «техничку» с мини-краном и кучку полицейских, подцепляющих за задний бампер нашу красивую «Импалу». Еще несколько минут — и машины мы лишились бы на несколько дней: дорожные правила в Мексике очень суровые, и местные «гаишники» имеют право (и активно им пользуются) отбуксировывать неправильно припаркованные машины на загородные стоянки и выдавать их обратно владельцу только после выплаты сумасшедшего штрафа.

Зная, что мексиканцы не очень дружелюбны к американцам, я бросилась через площадь с криком: «Сой но гринго, сой совьетико!», что должно было означать: «Я не гринго (американка), я из Советского Союза». Добежав до машины, я стала предъявлять полицейским все мыслимые и немыслимые удостоверения, аккредитационные карточки, пропуска, паспорта. Ноль эффекта. Тогда я достала из кармана свисток. А надо заметить, что тамошние регулировщики управляют уличным движением не с помощью палки, а художественными трелями свистка: перемежая длинный с короткими и по-дирижерски помахивая руками, они направляют потоки машин в нужном направлении.

У меня же был свисток, подаренный давным-давно Московской ГАИ за какой-то материал об их героических буднях. Увидев у меня свисток, мексиканские орудовцы, видно, приняв меня за коллегу, дружелюбно закивали, просвистели мне в ответ что-то на своих свистках и отстали от нашей машины. Так пустяковый «гаишный» сувенир спас меня от нежелательных разбирательств мексиканской полиции и сэкономил мне крупную сумму денег.

В.— Как-то раз в командировке на Курилах я, увлекшись поиском лучшего ракурса, шла, не замечая ничего вокруг, по побережью одного из островов, кажется, того самого, на который претендует Япония. Был весьма колоритный закат, и я, уткнувшись в окуляр своего аппарата, скакала, как козочка, с камушка на камушек, забираясь в глубь Тихого, но Великого океана. И тут начался прилив, и я со всей своей никоновской аппаратурой оказалась отрезанной от берега. Все остальные были на берегу. А вода все прибывала и прибывала, вот она мне уже по щиколотку, камней уже не видно, и мне ничего не остается, как махать оставшимся на берегу высоко поднятой вверх аппаратурой. По всей видимости, я их сильно веселила, этакая «Нимфа с Никоном», поскольку, только вдоволь насмеявшись, они прислали за мной катер.

Однако самым смешным на свете я считаю то, что всеми фотовыставками информационного агентства «Новости», создаваемыми профессионалами, лауреатами и прочая, руководит бывший пионервожатый Нукзар Матиашвили, который если и снимал когда-нибудь, то лишь себя, своих чад и домочадцев на собственной даче.

С.— Говорить о советских мужчинах мне как-то неловко, что же касается иностранцев, то я их всех люблю: они воспитанны, снисходительны, красивы, элегантны, остроумны. То, что я не могу говорить на их языке, их почему-то очень веселит. Но у них у всех есть один недостаток: они не понимают, что я хочу выйти за них замуж.

Крокодил: — Что, за всех?!

Кмит: — Ну, хотя бы за некоторых!

Рубен БЕКНАЗАР-ЮЗБАШЕВ.

УНДЕГЕР, Турция.

РЕЙЗИНГЕР, Югославия.

ЗОЗО, Польша.

Мария ЧУБАШЕК (Польша)

ВСЕ ОДИНАКОВЫЕ

Кристина встала в 6.12 и отошла ко сну в 20.39. Как солнце. Несмотря на это, была хмурой. С одной стороны, она хотела иметь ребенка, а с другой — не знала, как о предстоящем сказать Павлу. Боялась его реакции. Для своих лет он был еще очень наивен и безответствен. Возможно, лучше пока ничего не говорить. Впереди у нее было целых полгода. Может, Павел за это время повзрослеет и станет мудрее.

Увы! Недели шли за неделями, месяц за месяцем, а ничто не указывало на то, что Павел хоть немного посерьезнел.

— Ничего не поделаешь! — решила Кристина.— Скажу ему при первом удобном случае. Если отреагирует как мальчишка — постараюсь его убедить.

Случай подвернулся уже на следующий день. Собственно говоря, подвернулся благодаря самой Кристине. Она пригласила Павла на обед. Он не отказался, хотя слишком хорошо знал Кристину и не ожидал от нее никаких кулинарных изысков.

— Угадай, что будет? — спросила она, отворяя ему дверь.

— Яичница с зеленым луком,— сказал он.

— А сегодня как раз не будет,— возразила она и с таинственной миной отправилась на кухню.

Через несколько минут возвратилась и поставила на стол тарелки и сковороду. На сковороде дымилась яичница без зеленого лука.

— Браво! — воскликнул он без энтузиазма.— Я вижу, что ты делаешь успехи.

— Просто я подумала, что зеленый лук мог тебе надоесть.

— Не больше, чем яичница. Ты кого-нибудь пригласила? — сменил он тему.

— С чего ты взял?

— Ты принесла три тарелки. Ты кого-нибудь ждешь?

— А-а-а, да. Я совсем забыла тебе сказать. Я жду ребенка.

— Какого ребенка? — не понял он.

— Нашего,— шепнула она и постаралась покраснеть. Без успеха, впрочем.

— Откуда ты знаешь?

— От врача. Третий месяц.

— И только теперь ты мне об этом сообщаешь?

— Раньше не удавалось. Кроме того... я боялась.

— Глупости! — Он схватил ее за плечи.— Чего ты боялась?

Она подумала, что именно этого, но промолчала. Может, обойдется.

— Ну!..— Он обхватил ее сильнее.— Это же чудесно! Завтра же уладим все формальности.

— Какие формальности? — испугалась она.

— Связанные с женитьбой. Мы должны как можно быстрее пожениться.

— Совсем не должны! — внезапно возразила она, вырываясь из его объятий.

— Может, я не так выразился,— осторожно сказал он.— Речь идет не о том, что я должен на тебе жениться. Я этого хочу.

— Мне нужно подумать,— внезапно холодно сказала она.

— Думать! Теперь, когда скоро появится на свет наше дитя?

— Вот именно.

— Не понимаю...— Он стал заикаться.— Через полгода у тебя будет ребенок, а ты не хочешь за меня выйти?

— Не сейчас. Может быть, позже. Когда ребенок немного подрастет.

— Ты ненормальная! — Он подскочил на месте.— В чем дело?

— Дело в том, что маленький ребенок — маленькие заботы. Большой ребенок — большие заботы.

— Не понимаю! — завопил он.

— Не понимаешь? Мужчина — это большой ребенок. Для начала с меня достаточно одного ребенка — маленького. Зачем мне брать на шею еще большого? Но не огорчайся. Дети быстро растут. Может быть, и ты когда-нибудь вырастешь. Тогда мы вернемся к этому вопросу.

Павел с минуту молчал, словно что-то обдумывая.

— Все в порядке,— сказал он спокойно.— Считай, что я уже вырос. Я согласен. Наше супружество не состоится.

С этими словами он придвинул к себе тарелку с яичницей и стал с аппетитом есть.

Глаза у Кристины забегали. Она побледнела, потом покраснела.

— То есть как не состоится? — зашипела она.— У меня будет наш общий ребенок, а ты хочешь уйти в кусты! Тебе лишь бы яичницу уплетать.

Она вырвала у него из рук тарелку.

— Хорош гусь! Нечего сказать! — всхлипнула она.— Как обрадовался. Не состоится? А ну-ка, быстро! В отдел регистрации браков, пока он не закрылся!

— Ну, если ты так настаиваешь,— забормотал Павел.— Но имей в виду, что я это делаю не по своей воле.

— Так, так! — всхлипывала Кристина, пытаясь одной рукой отпереть наружную дверь, а другой не отпускать Павла.— Все вы, мужчины, одинаковы...

— И вы, женщины, тоже одинаковы! — Павел вздохнул, лукаво подмигнув своему отражению в зеркале, и поспешил за Кристиной.

Перевод Наума ЛАБКОВСКОГО.

•

ОТЕЦ.— Почему вы с ним поссорились?
ДОЧЬ.— Он сделал мне предложение.
ОТЕЦ.— Что же в этом плохого?
ДОЧЬ.— Я же приняла его предложение еще вчера вечером.

•

ОНА.— Меня просили выйти замуж много раз.
ОН.— Кто?
ОНА.— Папа с мамой.

•

— Богат ли молодой человек, который собирается жениться на твоей сестре?
— Нет, не очень. Каждый раз, как мама начинает разговор о свадьбе, папа говорит — бедный молодой человек!

•

— На прошлой неделе песчинка попала в глаз моей жене и она должна была идти к врачу. Это стоило мне двадцать долларов!
— Мелочи! На прошлой неделе на глаза моей жене попалось меховое пальто, и это стоило мне 3000 долларов.

•

БА! ЗНАКОМЫЕ ВСЕ ЛИЦА!..

Патриция КААС

Когда у нас
Была Каас,
Стояла очередь у касс.
И от таких очередей
Не надо избавлять людей!

А. САВИЦКИЙ, Ю. ТИМЯНСКИЙ.

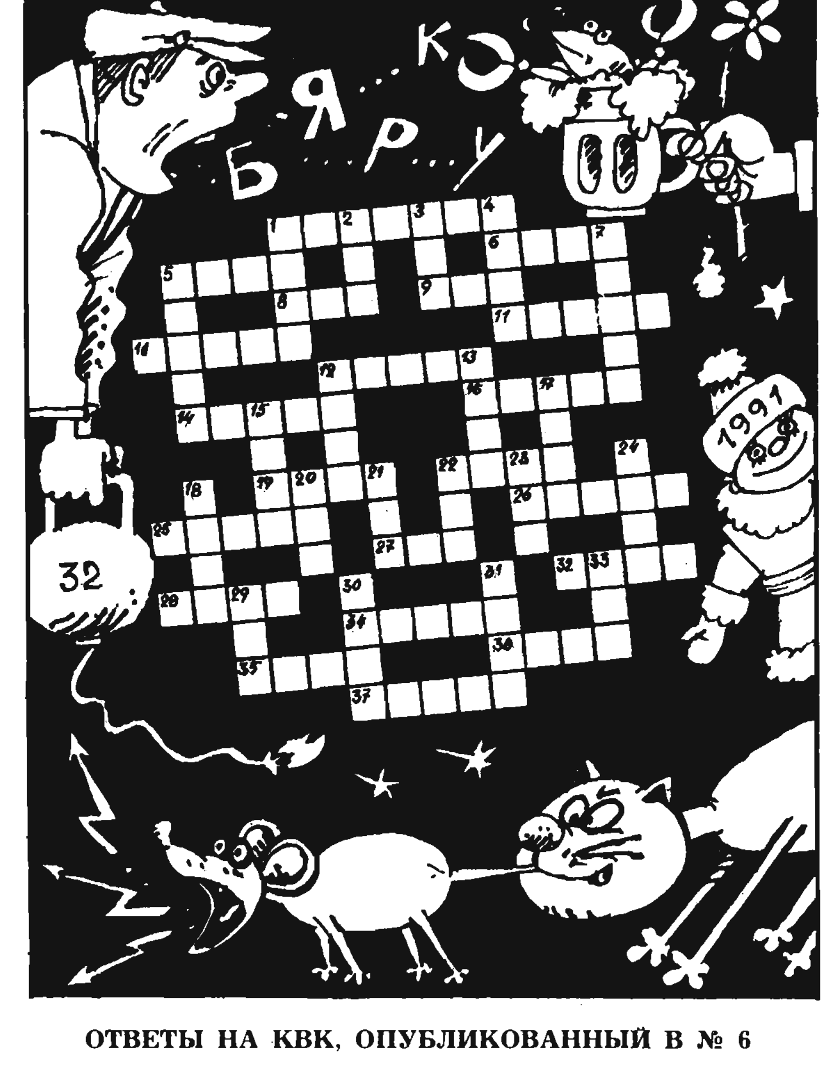
Шарж В. МОЧАЛОВА.

КРОКОДИЛЬСКИЙ ВЕСЕЛЫЙ КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ. 1. Американский подарок России *(песенн.)*. 5. Шапочный напиток *(бочков.)*. 6. Комариное лобзанье. 8. Муж соляного столба *(библейск.)*. 9. Отрезок пешеходного маршрута шубы да кафтана. 10. Витаминная форма. 11. Гриппозный колотунчик. 12. Божественная высота *(греч.)*. 14. Щекастый мешочник *(зоологич.)*. 16. Место лебединой тусовки. 19. Сенная сметка. 22. Самиздатовский певец. 25. Мини-брюки. 26. Мечта в пустыне. 27. Корабельный роддом. 28. Богатство Бубы Кикабидзе. 32. Семейное заключение. 34. Игра в бутылочки. 35. Красавица-шиповка. 36. Модный звук. 37. Большой секрет.

ПО ВЕРТИКАЛИ. 1. Самая русская местность *(песенн.)*. 2. Вместилище забот *(поговорочн.)*. 3. Шахматный шаг. 4. Часть ружья под мушкой. 5. Бочковой боеприпас. 7. Не воробей. 12. Прорубь в Европу. 13. «Привет» наоборот. 15. Водный переходник. 17. Передвижение не на своих двоих. 18. Выступление единоличника *(сценич.)*. 20. Фронтовой заспинник. 21. Круглое время *(астроном.)*. 22. Общее у белуги и барана. 23. Семья, ушедшая в историю. 24. Одна лошадиная. 29. Данайское подношение. 30. Подводный электрик. 31. Медовое дерево. 33. Сподвижник лебедя и щуки.

Составила Г. НАТАЛЬИНА.

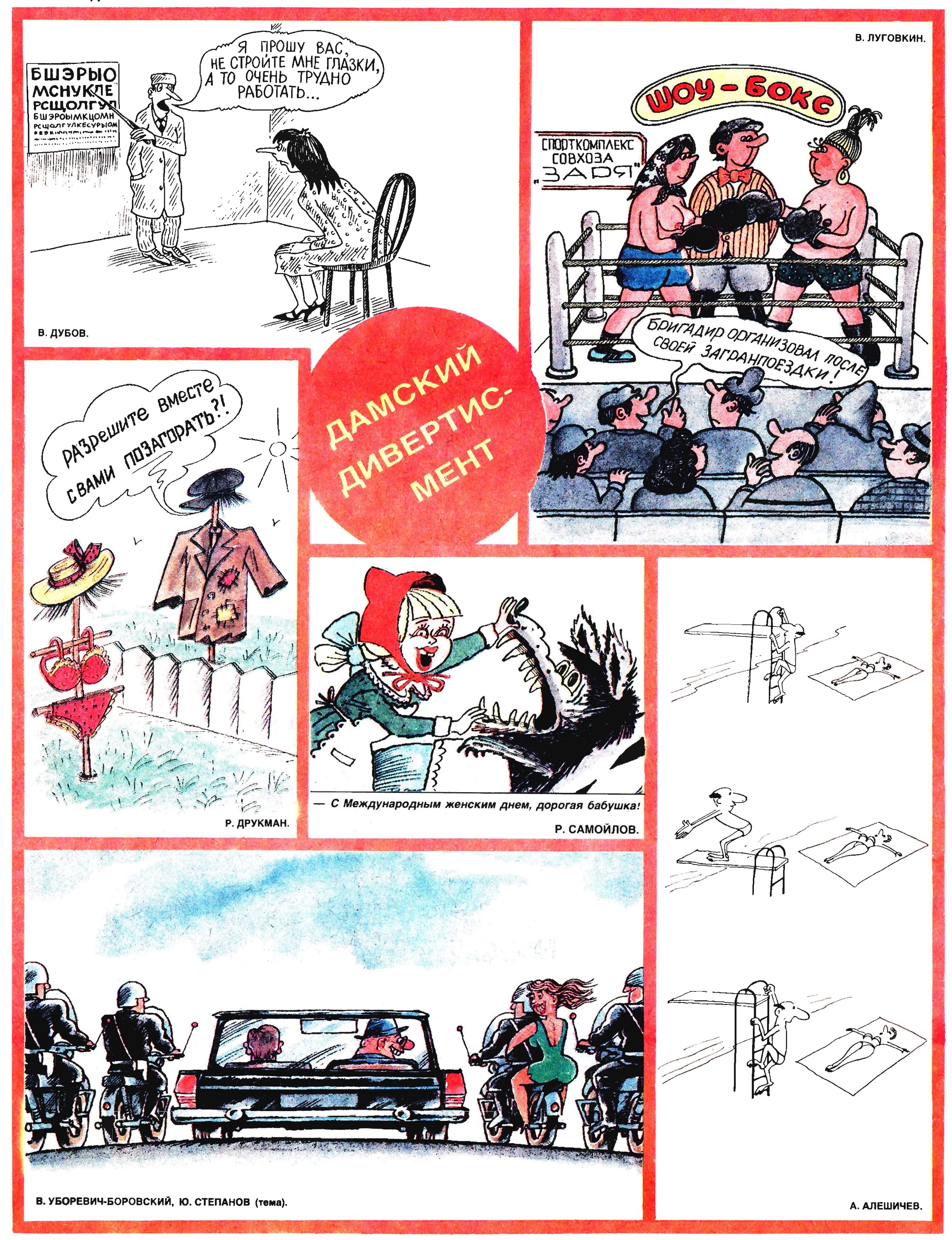

ОТВЕТЫ НА КВК, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 6

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 2. Барабас. 4. Каюр. 5. Ритм. 7. Алабама. 8. Румб. 9. Цент. 12. Паташон. 15. Носорог. 17. Итака. 18. Марафон. 21. Каравай. 23. Веер. 25. Ринг. 26. Вологда. 27. Рама. 28. Перл. 29. Арбалет.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Жалоба. 2. Барабан. 3. Сарацин. 4. Корма. 6. Метро. 10. Запад. 11. Пожар. 13. Шеф. 14. Лай. 16. Сыр. 19. Абвер. 20. Нирвана. 21. Карапет. 22. Ангел. 24. Фонтан.

75 коп. Индекс 70448.

— *С Международным женским днем, дорогая бабушка!*